

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Таинственная математическая
формула из египетского
папируса способна полностью
изменить развитие всей
современной цивилизации.
Все зависит от того, в чьи
руки попадет знание
древних...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Проклятие Осириса

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова

Проклятие Осириса

«ЭКСМО»

2007

Александрова Н. Н.

Проклятие Осириса / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2007 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-54107-2

Знаменитый Эрмитаж подвергся дерзкому нападению – ничего не было украдено, но злоумышленник зачем-то сдвинул с места каменную статую египетского писца. Кто-то разыскивает древнейшую математическую формулу и не остановится ни перед чем для ее обладания. Реставратору Дмитрию Старыгину необходимо первому найти таинственный папирус, именно в нем зашифровано послание египтян к своим потомкам. В поисках всемогущего артефакта, дающего власть над миром живых и мертвых, Дмитрию противостоят магическое проклятие и неведомые силы, которые также желают завладеть заветным сокровищем... Книга также выходила под названием «Проклятие фараона».

ISBN 978-5-699-54107-2

© Александрова Н. Н., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	39
-----------------------------------	----

Наталья Александрова

Проклятие Осириса

В темноте негромко зарокотали барабаны, и в ту же секунду вспыхнуло несколько факелов, осветив заброшенный участок кладбища. Покосившиеся кресты, безымянные могилы, чуть заметные холмики, скрывающие останки каких-то безвестных бедняков. От неровного, трепещущего света факелов окружающий мрак стал еще чернее.

На заржавленном железном кресте криво висел венок искусственных цветов. Белые пластмассовые лилии неестественно ярко выступали из темноты.

Несколько десятков мужчин и женщин, выступив из мрака, создали живое кольцо.

Белые одежды, черные лица, возбужденно горящие глаза, устремленные в центр круга.

Рокот невидимых барабанов усилился, в воздухе сгустилось невыносимое напряжение. Вдруг на середину круга вырвалась совсем юная девушка в коротком белом платье, с безумными, невидящими глазами. Она завертелась волчком, заметалась в каком-то диком, первобытном танце, подчиняющемся только древнему голосу ночи и бешеному ритму барабанов. Запрокинув голову, широко открыв безумные глаза, девушка понеслась по кругу.

Черные лица участников церемонии замелькали перед ней, сливаясь в сплошной круг – круг из горящих от возбуждения глаз, из приоткрытых в беззвучном крике ртов.

Вдруг одно лицо выступило из этого круга – единственное на этом кладбище спокойное лицо, старое, изрезанное морщинами лицо жреца – бабалоа.

Девушка застыла перед ним, как пронзенная стрелой антилопа, упала на черную кладбищенскую землю и забилась в конвульсиях. На губах ее выступила пена.

Старик выступил из круга, приблизился к ней и вдруг резким жестом выбросил вперед правую руку.

В его руке трепетал черный петух.

Бабалоа выкрикнул короткое заклинание на древнем языке йоруба и широким взмахом ножа отсек петуху голову.

Обезглавленная птица, выплеснув фонтан крови на бьющуюся в конвульсиях девушку, понеслась по кругу. На губах девушки белая пена смешалась с алой кровью.

Участники церемонии в волнении не сводили глаз с безголового петуха. Они застыли в безмолвном ожидании, только барабаны били из темноты тревожной волнующей дробью.

Вдруг петух резко изменил направление, пронесся зигзагами через окруженное людьми ярко освещенное пространство, захлопал крыльями и упал на черный могильный холмик, единственный свежий холмик на этом участке кладбища.

Десятки глоток исторгли взволнованный, торжествующий вопль, и тут же ритм барабанов изменился, в нем зазвучало что-то нечеловеческое, доисторическое, и в ту же секунду круг рассыпался, и десятки мужчин и женщин заметались в безумном танце.

Девушка в окровавленном платье, с красными от крови губами, поднялась, с сонным лицом лунатика медленно пошла через ряды танцующих – и все расступались перед ней, пропускали ее и провожали взглядами.

Девушка шла к той же безымянной могиле, возле которой упал жертвенный петух.

И вдруг из темноты, окружающей участников церемонии, вышел еще один человек.

Человек ли?

Высокая, необычайно худая фигура в черном фраке и цилиндре, длинная черная трость в правой руке, необычайно белое, словно высеченное из мрамора, лицо – на глазах круглые черные очки, заволаживающе медленные движения.

Танцующие застыли, испуганно следя за приближающимся.

По их рядам пробежал тихий взволнованный шепот:

– Барон Суббота!.. Барон Суббота!.. Барон Суббота!..

Барон Суббота, страшный повелитель мертвых, расхаживающий по ночам среди могил в окружении призраков и оборотней...

Все невольно подались назад.

Только девушка с окровавленным ртом продолжала медленно идти навстречу таинственной фигуре, постепенно сближаясь с ней, да старик бабалоа стоял чуть в стороне, наблюдая за происходящим взволнованно, но без колебаний, как опытный режиссер из-за кулис наблюдает за первой постановкой пьесы.

Когда девушка и незнакомец во фраке почти сошлись и между ними остался только могильный холмик с лежащей на нем птичьей тушкой, барабаны мгновенно смолкли.

Все замерли, не дыша и не сводя с этих двоих взглядов.

И тогда земля на холмике зашевелилась.

По рядам участников церемонии пронесся вздох.

Девушка встряхнула волосами и выбросила вперед тонкие руки.

Незнакомец, опираясь на трость, тоже поднял левую руку, как будто приветствуя присутствующих. Или, возможно, того, кто поднимался из-под земли.

Холмик затрясся, по нему пошли трещины, и наконец земля разверзлась. Из-под нее показалась человеческая фигура.

И тогда снова глухо и страшно зарокотали невидимые барабаны.

– Держи, Серега! – раздраженно прохрипел Антипов, с трудом удерживая свой край тяжеленного ящика. – Ты что, блин, спишь на ходу? Или со вчерашнего еще не оклемался? Сейчас бы уронили эту гагару, вот бы нам потом от начальства влетело!

– Да ты че, Антипыч! – отмахнулся Серега, приподнимая свой край. – Мы что с тобой – первый раз, что ли? Разве когда роняли?

Они протащили ящик по узкому коридору и оказались на пороге кладовой. Тут Серега крикнул и снова приподнял свой край, чтобы перетащить ящик через порог, но не удержал и выронил его.

Ящик грохнулся об каменный пол, от него отлетела боковая доска.

– Я ж тебе говорил! – Антипыч добавил несколько крепких выражений. – Говорил тебе, лопуху, – держи его как следует!

– Да чего этим ик... спонатам сделается? – проговорил Серега, потирая затылок. – Они пять тыщ лет пролежали и еще столько же пролежат! Потому как офигительно крепкие! Так что ты насчет этого не бойсь... и ваще, Антипыч, чего ты так начальства боишься? Ну что они тебе могут сделать? Уволить, что ли? Да где они других таких дураков найдут, чтоб за такие гроши так корячились?

Антипов, не слушая напарника, тоскливо взирал на поврежденный ящик и представлял, сколько завтра будет шума.

– Да перестань, Антипыч! – проныл Серега. – Подумаешь, доска отлетела! Говорю тебе – ничего ему не сделается!

Он наклонился, чтобы снова поднять ящик, и вдруг застыл, к чему-то прислушиваясь.

– Ну, чего ты ждешь? – раздраженно проговорил Антипов, взявшись со своего конца. – Поднимай, совсем чуток осталось!

– Тише, Антипыч! – прошептал Серега. – Ты ничего не слышишь?

– А чего я должен слышать? Как у тебя в башке от вчерашнего шумит? Так это, кроме тебя, никому не слышно!

– Да нет! – Серега опасливо уставился на ящик. – Вроде там внутри кто-то есть...

– Ну, Серега, тебе точно надо с этим делом завязывать! – вздохнул Антипов. – Этак ты скоро совсем до чертиков допьешься! Небось еще и мешал вчера водяру с портвейном! Было?

– Было! – горестно признался Серега. – Но только там точно кто-то...

– Кончай ты это! – прикрикнул на него Антипов. – Берись за свой край! И так мы уже невесть сколько времени тут провозились!

Они втащили ящик в кладовку и поставили на другой такой же. Этот был последний на сегодня. Даже, если честно – лишний. В накладной было написано про восемь ящиков, а в кузове машины их оказалось девять. Ответственный за приемку сотрудник долго морщил лоб и не знал, как поступить с лишним ящиком, но потом махнул рукой и велел такелажникам разгружать все подряд и тащить в подвальное помещение. Завтра с утра придет Мария Антонова, заведующая отделом, и разберется с этим лишним ящиком.

Серега протопал по коридору, что-то бормоча себе под нос, и хлопнул входной дверью. В подвале наступила тишина. Антипов вытер руки вафельным полотенчиком и повернулся спиной к ящикам, чтобы повесить его на гвоздь. И тут у него за спиной раздался негромкий, но отчетливый скрип, как будто кто-то открывал рассохшуюся дверь. Или отдираал крышку от деревянного ящика.

Антипов замер.

Он почувствовал, как волосы на голове зашевелились от страха. Раньше он думал, что такого не бывает, что шевелящиеся от страха волосы – это выдумки досужих болтунов. А теперь его волосы действительно зашевелились и встали дыбом.

– Кто здесь? – проговорил Антипов внезапно охрипшим голосом.

Ему никто не ответил. Да и кто мог ему ответить? В подвале, кроме него, не было ни души.

Он подумал, что странный скрип просто померещился, и осторожно перевел дыхание, но этот звук снова раздался в тишине подвала. Мало того, вслед за ним послышалось чье-то напряженное, хриплое дыхание и, как ему показалось, приглушенное рычание.

Такелажник медленно повернулся, чтобы взглянуть на источник странных звуков.

Чертов ящик – тот самый, который они только что так неловко уронили, – лежал на прежнем месте. Но его верхняя стенка была оторвана и сдвинута в сторону.

Антипов попятился, не сводя испуганного взгляда с этого полуоткрытого ящика.

Он отступил к самой двери, еще немного, еще один шаг – и можно будет выскочить из кладовки, запереть ее и припустить прочь из подвала наверх, к солнечному свету, к живым людям...

И тут свет в подвале погас, и в ту же секунду на голову Антипова обрушился страшный удар.

Михаил Михайлович Сапунов наполнил электрический чайник отфильтрованной водой и нажал кнопку. Наступало самое трудное время дежурства – от трех до пяти утра ему было особенно тяжело бороться со сном, поэтому Михаил Михайлович решил приготовить чашку крепкого кофе.

Сапунов был отставным майором. В прежние времена военной пенсии ему вполне хватило бы для безбедного существования, но эти времена давно прошли, и Михаил Михайлович очень обрадовался, когда племянник Костя предложил ему место ночного дежурного в Эрмитаже.

Кроме того, что зарплата дежурного помогла ему залатать многочисленные прорехи в семейном бюджете, эта работа давала возможность поменьше видеться с женой и тем самым сберечь нервные клетки, которые, как известно, не восстанавливаются. Последнее время Катерина стала совершенно невыносима. С тех самых пор, как майор Сапунов вышел в отставку, Катерина пилила его с утра до вечера без перерыва на обед, без выходных и без отпуска. Когда-то в цирке Сапунов видел, как фокусник распиливает свою ассистентку. Так вот Катерина дала бы тому фокуснику сто очков вперед.

Михаил Михайлович вздохнул, насыпал в фаянсовую кружку с изображением яркого петуха две ложки гранулированного кофе, подумал и добавил третью. Положил немного сахара, залил кофе кипятком и повернулся к голубоватым экранам мониторов, за которыми ему полагалось наблюдать, не отвлекаясь на посторонние соображения.

Правый экран в нижнем ряду был покрыт тусклой сероватой рябью, словно поверхность Невы в пасмурный осенний день.

Михаил Михайлович снова вздохнул и вытер крупную наголо выбритую голову клетчатым платком.

Наверняка чертова камера опять барахлит. Он сто раз говорил начальнику охраны Евгению Ивановичу Легову, что камеры в залах никуда не годятся, что их нужно заменить, но разве кто-нибудь будет слушать простого охранника, даже если тот отставной майор войск связи? Легов только отмахивался.

Но соблюдения инструкции он требовал от своих подчиненных неукоснительно, а по инструкции, если изображения с камеры нет, охранник должен пойти в соответствующий зал и лично убедиться, что там все в порядке. И только попробуй не убедись – Легов выгонит с работы в двадцать четыре часа.

Правый монитор в нижнем ряду – это египетский зал.

Даже кофе не выпить!

Сапунов тяжело поднялся, с сожалением взглянул на дымящуюся кружку и направился в этот проклятый египетский зал.

Эрмитаж ночью выглядит совсем не так, как днем, когда его наполняют шумные многоязычные толпы туристов.

Ночью залы музея кажутся таинственными и страшноватыми. Яркие люстры погашены, горит лишь скудное дежурное освещение, отчего изменяются все пропорции залов, они кажутся гораздо больше, возникает множество темных углов и закоулков.

Из этих темных углов мрачно и подозрительно выглядывают старинные портреты, бледный лунный свет, проникая сквозь сиреневые стекла восемнадцатого века, окрашивает их в зловещие мертвенные цвета, тихо поскрипывает разошедшийся паркет – так и кажется, что в соседнем зале кто-то ходит...

Михаил Михайлович спустился на первый этаж, пересек зал римского скульптурного портрета, покосившись на высокого надменного человека в коротком плаще, миновал небольшой коридор, соединяющий две части музея, спустился по короткой широкой лестнице и оказался в том самом египетском зале.

С первого взгляда все здесь было в полном порядке. Да и кому придет в голову проникать сюда посреди ночи? Кому могут понадобиться тяжеленные каменные саркофаги, деревянные статуи давно умерших людей или плиты с непонятными надписями?

Честно говоря, отставной майор Сапунов вообще не понимал, что люди находят в этих допотопных черепках, каменных обломках и деревянных статуэтках. Если уж на то пошло, фарфоровые собачки, которых собирала его жена Катерина, были куда привлекательнее. Но это, в конце концов, не его дело. Его дело – следить за порядком на вверенной территории, чем он сейчас и занимался.

Михаил Михайлович решил на всякий случай обойти подозрительный зал по периметру и вернуться в дежурку, где его дожидалась остывающая кружка кофе.

Он прошел мимо стеклянных витрин с похоронными принадлежностями древних египтян, с керамическими фигурками – ушебти, которые клали в могилу каждого знатного человека (о чем, впрочем, отставной майор не имел ни малейшего представления), прошел мимо укрытой стеклянным колпаком мумии, запеленатой в потемневшие от времени льняные полосы, мимо огромного саркофага из серого песчаника. Именно этот саркофаг закрывал от

него дальнюю часть зала, и теперь, обойдя его, охранник увидел, что в данном помещении далеко не все в порядке.

Небольшая каменная статуя сидящего писца, которой полагалось находиться в витрине рядом с другими такими же статуэтками, сидела на полу посреди зала и смотрела на Сапунова с откровенной издевкой. Ноги древнего египтянина были сложены кренделем, на коленях покоилась табличка, в которой он делал свои пометки.

– Это что такое? – возмущенно выдохнул отставник, шагнув к недисциплинированному египтянину. – Что за беспорядок?

Инструкция требовала во всех подобных случаях немедленно связываться с начальством, но отставной майор Сапунов знал по собственному опыту, как не любит начальство, когда его будят в самый мрачный час ночи, и решил для начала убедиться, что все действительно так, как ему представилось. Потому что еще больше то же самое начальство не любит, когда его будят *напрасно*.

Сапунов приблизился к подозрительному писцу и убедился, что все обстоит именно так, как ему представилось с первого взгляда, а именно: каким-то преступником нарушена герметичность витрины с экспонатами. Часть экспонатов разбросана по полу, а самый крупный экспонат – статуэтка сидящего писца – отнесен на достаточно большое расстояние от витрины.

Михаил Михайлович потянулся за переговорным устройством, чтобы вызвать старшего по смене и переложить на него чрезвычайно трудную задачу принятия решения, как вдруг за спиной у него послышались мягкие крадущиеся шаги.

Эти шаги были такими легкими, что в первую секунду Сапунов не понял, что к нему кто-то приближается. Он подумал, что снова слышит скрип разошедшегося паркета. Однако вскоре к этому скрипу присоединилось хриплое дыхание. Михаил Михайлович обернулся, чтобы взглянуть приближающегося человека, но не успел этого сделать, потому что на голову ему обрушился страшный удар, и свет в глазах отставного майора Сапунова моментально потух.

Хватились дежурного только часа через два, когда проверили мониторы и на одном заметили беспорядок в зале и лежащее тело. Пока сбежались, пока приводили его в чувство, настало утро и подросли остальные сотрудники. Теперь все сгрудились в зале, переживая и любопытствуя.

В дальнем конце зала послышались легкие торопливые шаги, и появился невысокий пухленький человечек с круглым румяным лицом и лысоватой головой, в котором присутствующие узнали заместителя директора по безопасности Евгения Ивановича Легова.

Тех, кто видел его впервые, легко могли ввести в заблуждение румяные щеки Легова, маленькие ручки и голубые детские глаза. Но его внешность была обманчива – голубые глаза способны были метать громы и молнии, маленькие ручки могли сжиматься в каменные кулаки, а тихий голос мог превращаться в угрожающий рык.

Вот и сейчас, раздвинув сгрудившихся вокруг вскрытой витрины сотрудников, он рявкнул:

– Почему в зале посторонние?

Голос Легова обладал таким воздействием на окружающих, что все присутствующие, независимо от занимаемой должности и научного авторитета, почувствовали себя посторонними и постарались незаметно ретироваться, так что через две минуты на месте происшествия остался только сам Легов, двое его подчиненных и заведующая египетским отделом Мария Антоновна, аккуратная старушка в строгом синем костюме и блузке с белоснежным отложным воротничком.

– Что у вас пропало? – холодно осведомился Легов, быстрым внимательным взглядом оценив разрушения и повернувшись к Марии Антоновне.

Заведующая отделом сложила руки на груди и сообщила сухим, как папирус, шелестящим голосом:

– Я проверила, все единицы хранения целы, только перемещены... удалены со своих мест...

– Значит, не кража... – Легов облегченно вздохнул и вытер платочком розовую лысину. – Значит, хулиганство...

Он обошел вокруг поврежденной витрины, осторожно ступая и внимательно глядя себе под ноги, и остановился над каменным писцом.

Древний египтянин выглядел совершенно как живой. Он сидел на небольшом возвышении, удобно скрестив ноги, и что-то старательно писал на каменной табличке.

Евгений Иванович отчего-то вспомнил, как сам он в начале рабочего дня делает пометки в своем ежедневнике. Он даже машинально заглянул в записи египтянина, но, разумеется, на табличке были нанесены совершенно непонятные значки. Вообще, у него самого определенно было некоторое сходство с этим доисторическим чиновником. Такая же круглая безволосая голова, такая же начальственная уверенность во взгляде... только, пожалуй, в лице египтянина проглядывала несвойственная Евгению Ивановичу насмешка.

Легов отбросил эти несвоевременные мысли и сосредоточился на обстоятельствах дела.

Каменного египтянина вытащили из витрины и усадили на свободное место посреди зала. Евгений Иванович осмотрел пол. Рядом с каменным писцом валялось несколько мелких безделушек, осколки стекла из разбитой витрины усеивали пол, как льдинки, хрустели под ногами.

– Свет! – скомандовал Легов, ни к кому не обращаясь. Один из его подчиненных мгновенно приволок переносной фонарь, заливший пол ярким белым светом. Евгений Иванович наклонился, прищурил глаза.

В боковом освещении он разглядел неясный след, отпечаток ботинка.

Примерно сорок третий размер, неброский рисунок подошвы.

Тот, кто оставил этот след, стоял прямо за спиной у каменного египтянина, как только что Легов, через его плечо заглядывал в табличку.

Скорее всего это след преступника... хотя, возможно, и нет.

– Где... пострадавший? – Легов повернулся к своему помощнику. – Госпитализирован?

– От госпитализации пока отказался, – отозвался тот. – Находится в медпункте. Ему оказали первую помощь...

Легов резко повернулся, не сказав никому ни слова, быстрыми шагами пересек зал, взбежал по лестнице, толкнул дверь с надписью «Только для персонала», прошел коротким коридором и без стука вошел в помещение медпункта. Медсестра, склонившаяся над кушеткой, вздрогнула, отступила, собираясь что-то сказать, но Легов молча отстранил ее, подошел к пострадавшему, окинул его неприязненным взглядом.

Крупный немолодой мужчина с перевязанной головой приподнялся на локте, проговорил:

– Я ничего не успел сделать... он подкрался...

– Об этом мы поговорим позже! – оборвал его Легов. – Где ваши ботинки?

– Что? – недоуменно переспросил отставник.

– Обувь! – повторил Легов, поморщившись.

– Вон его обувь! – медсестра ткнула пальцем под кушетку. – И я вас попрошу не травмировать пострадавшего! Он перенес стресс, у него серьезная травма...

Легов с интересом взглянул на сестричку, потом заглянул под кушетку. Там стояли, как два ледокола на приколе, два ботинка примерно сорок шестого размера.

Значит, след оставил все-таки преступник...

– Возможно, у него сотрясение мозга! – добавила решительная медсестра, оставив за собой последнее слово.

Диван, покрытый бежевым пледом, вдруг зашевелился, и на свет божий выполз огромный рыжий котик с самой разбойничьей мордой. Он уселся поудобнее и поднял одно ухо, прислушиваясь. В квартире стояла тишина, из кухни не доносилось никаких обнадеживающих звуков – ни звяканья посуды, ни чмокания дверцы холодильника. Кот разочарованно оглядел заставленную старинной мебелью комнату, потом неожиданно прыгнул на пол, царапнул когтями узорный паркет, а оттуда взвился на подоконник, где стояли два горшка с колючими кактусами. Кот распушил усы и стал подкрадываться к кактусам. Он прекрасно знал об их коварстве, и не далее как позавчера хозяин вытаскивал колючку из мягкой подушечки на лапе, но хулиганская природа брала свое.

Однако кактусы были начеку, они угрожающе топорщили все свои колючки. Кот тяжело вздохнул, смирившись, и перепрыгнул с подоконника на комод красного дерева. Там он исследовал два подсвечника, не нашел в них для себя ничего интересного, уселся поудобнее и принялся наблюдать за маятником на старинных бронзовых часах. За этим занятием и застал его вышедший из ванной хозяин.

– Доброе утро, Василий! – приветствовал он кота. – Как поживаешь?

Кот не ответил, поглядел сердито – мол, не трать время даром, иди на кухню и корми кота завтраком.

Дмитрий Алексеевич Старыгин не обиделся. Больше всего на свете он любил три вещи: свою работу, своего кота Василия и спокойную жизнь. Работу в свое время он выбрал тихую, можно сказать, кабинетную – реставратор – и достиг на этом поприще больших успехов. Отдыхать он любил тоже тихо – с книгой и котом на коленях, если зимой – то перед горящим камином, а летом – в гамаке, подвешенном в тени деревьев. Оттого Дмитрий Алексеевич и не женился, тогда уж точно покоя не будет. Да и кот Василий ужасно ревновал его ко всем знакомым особам женского пола и старался сделать их пребывание в квартире Старыгина как можно менее приятным. Разумеется, это ему удавалось.

Старыгин почесал кота за ухом и прошел на кухню. В отличие от всех остальных помещений в квартире в кухне было чисто, светло и просторно.

Прежде всего Старыгин положил коту солидную порцию консервов, затем разогрел на сковородке два больших куса итальянского серого хлеба, смазал их оливковым маслом и положил сыр и помидоры. Он тяготел ко всему итальянскому – художникам, городам, итальянской пасте, сыру гарганзола и соусу болоньезе.

Кот, выждав некоторое время, явился на кухню, убедился, что еда лежит в миске, и уселся на соседний стул. Помидоры его не впечатлили, он негодуяще фыркнул. Старыгин расправился с бутербродами, заправил медную турку и отвернулся к плите, наблюдая за кофе. Кот мигом вскрыл когтистой лапой упаковку порционных сливок и вылакал ее тут же, на столе.

– Василий, – с неподдельной нежностью сказал хозяин, – тебе нельзя жирного...

В ответном шипении кота Старыгин уловил, что ему тоже нельзя, и тяжело вздохнул. Не то чтобы он сильно растолстел в последнее время, однако появилась пара лишних килограммов. При его сидячем образе жизни нужно ограничивать себя в еде...

Он тут же подумал, что насчет спокойного сидячего образа жизни он не совсем прав. За последний год он, кажется, только и делает, что расследует сложные и запутанные происшествия, что происходят в Эрмитаже, путешествует, причем не всегда легально, подвергает свою жизнь опасности, плохо и нерегулярно питается, мало и неудобно спит. Однако самому себе Дмитрий Алексеевич мог признать, что такая беспокойная жизнь ему не то чтобы нравится, но бытовые трудности отступают на задний план, когда он с головой окунается в очередное приключение. В который раз Старыгин подумал, что в роду у него, наверное, были пираты и конкистадоры, флибустьеры, контрабандисты и авантюристы всех мастей, раз уж он неожиданно обнаружил в себе такие склонности.

– И вовсе незачем на меня шипеть, – заметил он коту, – лишний вес у нас с тобой появился именно сейчас, за несколько месяцев спокойной жизни.

Если бы кот Василий мог нахмурить брови, он бы сделал это немедленно. Кот очень не любил, когда его надолго оставляли одного на попечение старушки-соседки.

Старыгин ловко подхватил убегающий кофе, налил в старинную саксонскую фарфоровую чашку, положил сахар и после недолгого размышления решил-таки отказаться от сливок. Кот съел свой завтрак и прыгнул к хозяину на колени.

Кофе был хорош, кот тоже.

Дзынь-нь! Старинные часы в соседней комнате пробили половину десятого.

– Надо идти служить, – со вздохом сказал Старыгин и спустил кота на пол.

Он надел ботинки, зажал под мышкой портфель и осторожно приоткрыл дверь. Кот Василий мог выскочить на лестницу и устроить представление под названием «Поймай меня, если сможешь!». Вниз котище никогда не бежал, он вовсе не хотел на улицу – там машины, собаки и скоро вообще похолодает. Огромными прыжками кот несея вверх, на чердак, причем останавливался на каждой площадке и оглядывался через плечо, не слишком ли быстро он бежит. Его цель была – заставить хозяина бежать следом, протягивать руки и не терять надежды на поимку беглеца. Наивысшее везение кота случалось пару раз, когда бомжи ломали замок на двери чердака – тогда можно было всласть побегать по чердаку, погонять перепуганных голубей, как следует вымазаться в копоты и многовековой пыли. Потом дать себя поймать, перепачкать хозяина, долго вылизываться в кресле и с полным удовлетворением констатировать, что день прожит не напрасно.

Поэтому Дмитрий Алексеевич во время ежедневного ухода из квартиры всегда был начеку, он внимательно следил за котом, пытаясь вовремя угадать и пресечь его преступные намерения, и не заметил никого на площадке.

Наконец дверь была заперта, кот остался внутри, Старыгин перевел дух и тут услышал мелодичный голос:

– Простите, – обратилась к нему светловолосая молодая женщина, стоящая у соседней двери и застенчиво улыбающаяся, – вы не можете мне открыть дверь? Замок заедает... Я – сестра Лены, – заторопилась она, увидев, надо полагать, в глазах Старыгина вполне объяснимую настороженность, – из Воронежа... Они сейчас в отпуске, а я вот тут...

– Похожи, – улыбнулся Дмитрий Алексеевич, вспоминая соседей, довольно приятную пару. Жена, миниатюрная блондинка, и впрямь чем-то напоминала его собеседницу. Светлые волосы, собранные на затылке, непослушные кудряшки на щеках... Эта, пожалуй, была красивее, но Старыгин постеснялся сделать ей комплимент – еще подумает, что он несерьезный тип, который не пропустит ни одной привлекательной особы женского пола.

Он взял из рук женщины ключи и передал ей свой портфель, чтобы не ставить его на пол. Ключ повернулся довольно легко, просто нужно было прижать дверь посильнее.

– Вы – настоящий волшебник! – восхищенно вскричала блондинка. – Как мне вас благодарить? Если бы не вы, я бы, наверное, целый час провозилась!

Она распахнула дверь, и в это время где-то в глубине квартиры зазвонил телефон. Блондинка сбросила туфли и помчалась по коридору на звонок. Старыгин, глядя ей вслед, отметил узкие ступни, тонкие щиколотки и совершенной формы икры. Впрочем, он тут же спохватился, что опаздывает на работу, а бестолковая соседка унесла зачем-то с собой его портфель. Пришлось идти на ее голос.

Телефон нашелся в гостиной. Звонила, судя по всему, сестра, та самая Лена. Блондинка смеялась и оживленно говорила, что все хорошо, она прекрасно устроилась и по делам начнет бегать завтра. Портфель Старыгина валялся рядом. Он показал глазами на портфель, потом постучал по циферблату часов.

– Что? – спросила блондинка в трубку. – Подожди, я запишу...

Она протянула руку понятным каждому жестом, и Старыгин дал ей свою ручку, затем подхватил портфель и отступил к дверям гостиной, помахав рукой. Блондинка на секунду оторвалась от телефона, сделала большие глаза и прижала руки к груди, показывая этим, как она благодарна. Дмитрий Алексеевич еще раз взглянул на часы, охнул и заторопился к выходу.

На Дворцовой набережной было ветрено. Нынешний сентябрь был прохладным, но удивительно ясным для осеннего месяца. Непривычно синяя вода в Неве была покрыта белыми барашками. Солнце чувствовало, что ему осталось мало времени, поэтому старалось вовсю.

Остановившись у служебного входа в Эрмитаж, Старыгин оглянулся на реку и чаек, с криками снующих над водой. Пахло водорослями и морем, а может, ему показалось.

Он расписался в журнале у вахтера и пошел длинными коридорами к своей мастерской.

– Дмитрий Алексеевич, слышали, что случилось-то сегодня ночью? – обратилась к нему знакомая сотрудница.

Старыгин не ответил, он уставился на дверь мастерской. Она была открыта. Это было очень странно, поскольку никто, кроме него, не мог туда войти. То есть, конечно, несколько доверенных сотрудников и охрана знали код сигнализации и могли ее отключить и открыть замок. Но только в экстренном случае. Мелькнула паническая мысль о пожарном, который очень любит устраивать внезапные проверки и реквизировать запрещенные чайники и кофеварки.

Однако Дмитрий Алексеевич в одно мгновение ясно понял, что никакой пожарный тут ни при чем, что его недолгой спокойной жизни пришел конец, что впереди его ждет очередное трудное и опасное расследование.

«Вот, накаркал сам себе, – сердито подумал он, – плохо, что ли, было...»

Он решительно толкнул дверь и вошел в мастерскую.

Как нетрудно представить, Дмитрий Алексеевич Старыгин не страдал особенной любовью к порядку. В квартире у него всегда был порядочный кавардак, тщательно поддерживаемый котом Василием, оба обитателя квартиры прекрасно себя чувствовали среди разбросанных книг, помятых вещей и испачканных шерстью пледов.

Иное дело – работа. В мастерской у Старыгина был абсолютный, просто идеальный порядок, каждая вещь находилась на своем месте, тут Дмитрий Алексеевич был очень аккуратен. Иначе он просто не смог бы работать.

Теперь же, войдя в мастерскую, он застыл на месте, пораженный. В комнате царил фантастический бедлам¹. Именно бедлам, потому что при виде разбросанных инструментов, химических препаратов, рисунков и картин представлялась неуправляемая толпа буйных сумасшедших, которую оставили без присмотра.

Осторожно ступая, Старыгин подошел к телефону и снял трубку. Гудок был. Он еще раз оглядел комнату и набрал номер заместителя директора по безопасности – Легова. Трубку долго никто не брал, так что Старыгин малодушно обрадовался. Он недолюбливал Легова, они не раз с ним сталкивались. Однажды Легов напрямую обвинил его в преступлении. Тогда все обошлось, но то дело стоило Старыгину много нервов и седых волос².

Наконец послышался запыхавшийся голос Легова.

– Евгений Иванович, это Старыгин. Пожалуйста, зайдите ко мне.

– Да что ты, Дмитрий Алексеич, выдумал! – недовольно закричал Легов. – У нас ЧП, некогда мне по этажам бегать!

Панибратское «ты» вовсе не означало того, что Легов испытывает к Старыгину дружеские чувства, Легов, будучи зол, «тыкал» всем сотрудникам, исключая, конечно, начальство.

¹ Бедлам – место в Лондоне, где, начиная с XVII века, держали городских сумасшедших.

² См. роман Н. Александровой «Последний ученик да Винчи».

Судя по голосу, сейчас Легов был не просто зол, а серьезно озабочен и рассержен по вполне определенной причине. Да он и сам сказал, что в Эрмитаже случилось что-то серьезное. Но Дмитрий Алексеевич, в принципе, был не робкого десятка, просто не любил скандалов, сейчас же ему Легов был действительно необходим.

– Пришлите кого-нибудь из своих людей потолковее, – твердо сказал Старыгин, упорно называя Легова на «вы», так он безуспешно пытался его перевоспитать, – но лучше сами зайдите. Это срочно.

Легов понял по его тону, что дело и вправду важное, однако пробурчал что-то недовольно и отключился.

Старыгин снова огляделся. Теперь, когда он пробыл в комнате достаточное время, беспорядок не резал глаз, и он смог подсчитать потери. В работе у него было три картины, самая ценная – неизвестного итальянского мастера флорентийской школы «Мадонна с младенцем и Иоанном Крестителем». Картина датировалась первой половиной шестнадцатого века и была в весьма плачевном состоянии. Именно с ней Старыгин собирался работать долго и тщательно. Неужели ее украли? Но нет, вон выглядывает из вороха бумаг головка младенца и материнская рука, нежно ее поддерживающая.

С замиранием сердца он потянул на себя уголок. Все в порядке, на первый взгляд ничего страшного с картиной не случилось. Просто сбросили со станка.

Была еще работа одного голландца – пейзаж небольшого размера, на первом плане развалины мельницы, река, а сзади поля и рощи.

Пейзаж Старыгин нашел в дальнем углу также неповрежденным. От сердца отлегло, потому что третья картина стояла на станке. Это было странно, потому что она-то как раз была засунута Старыгиным далеко в шкаф, уж очень не хотелось ему ею заниматься.

Малоизвестный французский художник XIX века Луи Жироде Триозон, ученик Жан-Луи Давида. Картина называлась «Гадание Иосифа перед фараоном», и, на взгляд Старыгина, не было в ней ровным счетом ничего интересного. Картину эту вытащили из запасников, где она пролежала больше двадцати лет, отданная когда-то в дар Эрмитажу. В экспозицию музея картину тогда же решили не выставлять, поскольку она была в неважном состоянии. Висела явно в жилой комнате возле батареи парового отопления, да еще и свет прямо падал на нее из окна. Краски выцвели, лак потрескался.

Однако несколько месяцев назад из Москвы пришло указание картину найти, отреставрировать и вывесить в экспозицию, поскольку в Германии обнаружился родственник той самой старушки, что отдала в свое время картину в Эрмитаж. Родственник этот оказался не простым, а очень богатым человеком, крупным бизнесменом и находился едва ли не в приятельских отношениях с российским премьер-министром, который пригласил его посетить Петербург ближайшей осенью. Как-то бизнесмен упомянул в разговоре про свою двоюродную бабушку и про картину, вот и решили сделать ему сюрприз к приезду.

Старыгин не любил никакой срочности и штурмовщины – мол, бросай все, занимайся только этим, оттого и оттягивал реставрацию картины.

Дверь распахнулась, как от сквозняка, и на пороге появился Легов.

– Ну, что тут у тебя за пожар? – недовольно спросил он.

Старыгин не ответил, впрочем, ответа и не требовалось.

– Та-ак, – медленно протянул Легов, – взлом? Кража? Вандализм?

– Взлом, – со вздохом согласился Старыгин, – но насчет кражи я в сомнении...

– Мне сомневаться некогда! – отрубил Легов. – Прошу предоставить точную информацию, что у вас пропало! Какие единицы хранения?

– Все единицы на месте, – уверенно ответил Старыгин, – то есть ничего не украли, но...

– Порча ценностей?

– Да вроде ничего и не испортили... – растерянно промямлил Старыгин.

– Да? – недоверчиво взглянул Легов. – А за каким чертом, извиняюсь, они тогда к тебе залезли?

– А я откуда знаю! – рассердился наконец Дмитрий Алексеевич. – Вот вы и выясняйте, зачем и заодно кто такие они!

Его вспышка возымела действие, Легов спросил спокойным голосом, что изменилось в мастерской.

– Да разбросали все и картины местами поменяли. Эту – сбросили, а эту – на станок поставили.

– Эту? – Легов внимательно поглядел на картину.

Картина Луи Жироде Триозона представляла сцену из Библии, где Иосиф Прекрасный растолковывает египетскому фараону его сон.

Французский художник изобразил просторный зал во дворце фараона, пышный и одновременно мрачный. Высокие гранитные колонны скрываются в высоте, стены покрыты богатой золоченой резьбой и узорными барельефами. Сам владыка Египта восседает на величественном золотом троне в окружении многочисленных вельмож и придворных. Иосиф, красивый, благообразный юноша в ярком восточном одеянии, стоит перед ним в свободной, непринужденной позе и что-то говорит, показывая правой рукой на большое полукруглое окно. Фараон слушает его весьма благосклонно, и даже спустил одну ногу в золоченой сандалиии со ступеньки трона, словно собирается встать и подойти к привлекательному еврейскому юноше, чтобы высить его, приблизить к себе и дать ему важный государственный пост.

За спиной у Иосифа перешептываются несколько седобородых стариков – должно быть, египетские маги и жрецы, не сумевшие должным образом растолковать своему владыке его сон. Лица этих старцев выражают зависть и явное неодобрение по отношению к удачливому молодому сопернику.

Собственно, для французского художника библейская тема послужила лишь предлогом для того, чтобы изобразить людей в пышных экзотических нарядах – таких, какими он представлял себе древних египтян и персонажей Священного Писания.

Глядя на картину, Старыгин мимолетно подумал, что во времена Триозона Наполеон уже завоевал Египет и бурно началось исследование этой древней колыбели цивилизации, выдающийся французский египтолог Франсуа Шампольон уже работал над расшифровкой иероглифов, египетские древности попали в музеи Европы, но люди, изображенные на картине, не имеют ничего общего с жителями страны Миср, Древнего Египта, какими мы представляем их сегодня. Их наряды и сам облик явно были придуманы художником.

– Картина называется «Гадание Иосифа перед фараоном», – пояснил Старыгин в ответ на вопросительный взгляд Легова.

– Это что – из египетской жизни? – оживился Легов.

– Ну... кажется, так...

– Вот у меня где эти фараоны! – пожаловался Легов. – Слыхал – в отделе Древнего Египта тоже происшествие – вскрыли витрину, вытащили статуэтку, ничего не взяли, а мне теперь разбираться...

– Вот как? – поднял брови Старыгин. – А охрана, стало быть, спала?

– Да нет, дежурному по голове дали, так с пяти утра и провалился там на полу, пока его не хватились... И вот еще что... – Легов обежал комнату быстрым взглядом, потом отогнал Старыгина и присел на корточки перед станком, где стояла картина.

Не найдя на полу ничего интересного, он пошарил рядом и выпрямился с торжеством во взоре, держа в руках лист бумаги.

– Да это же мой отчет по командировке! – ахнул Старыгин.

– Какой отчет! – отмахнулся Легов. – Ты сюда смотри!

На обороте четко отпечатался след ботинка примерно сорок третьего размера. Обычный ботинок, неясный рисунок подошвы.

Легов наклонил голову и уставился на ботинки Старыгина.

– Хорошие ботиночки! У вас какой размер?

– Ну, сорок третий, а что?

– Подметку предъявите! – рявкнул Легов, так что Старыгин вздрогнул и снял ботинок.

Подошва была так сношена, что рисунка не разобрать.

– Они итальянские, удобные очень... – пробормотал Старыгин, – вот и заносил...

– Все ясно, след преступник оставил!

– А вы думали, что я?

– Разрешите? – в комнату заглянул помощник Легова, Севастьянов. – Ну, в общих чертах все ясно, сигнализацию преступник отключил, а дверь отмычкой отпер.

– А как он в музей ночью попал? – не выдержал Старыгин.

– Да тут, понимаете... – замялся Севастьянов, – два такелажника чушь какую-то несут. Дескать, носили они ящики вчера вечером, так якобы кто-то был в ящике, оттуда выскочил и одного вырубил. А когда второй вернулся, то того, из ящика, и след простыл. Ну, ребята решили, что им все привиделось, и пошли домой лечиться...

– Понятно, – вздохнул Легов, – допьются до белой горячки и не помнят, что делали и на каком они свете. Какой еще ящик? Господи, ну отчего даже в музее все такелажники алкаши?

– Ящик и вправду лишний... – кашлянув, сообщил Севастьянов, – их по накладной должно быть восемь, а на самом деле – девять. То есть от девятого остатки...

– Кто принимал по описи? – загремел Легов.

– Николаев, он с сегодняшнего дня в отпуске...

Старыгин хотел ехидно сказать, что таким образом можно и атомную бомбу в музей пронести, раз никто не проверяет, но взглянул на расстроенное лицо Легова и промолчал. Хотя они находились не в самых лучших отношениях, все же у Евгения Ивановича сейчас большие неприятности, ведь именно он головой отвечает за безопасность мировых шедевров.

– Напишите все свои соображения по поводу случившегося, – сухо бросил Легов на прощание и вышел.

Оставшись один в мастерской, Старыгин внимательнейшим образом исследовал картину, стоящую на станке, и не заметил в ней ничего такого, что могло бы привлечь к ней внимание преступника. Правда, в чужую душу не влезешь, и вкусы у людей разные, был же случай лет пять назад, когда из отдела французской живописи украли картину художника Жибера³. Картину не нашли, и до сих пор сотрудники удивляются, кто мог позариться на довольно-таки заурядную вещь. В свое время Старыгин по этому поводу высказал догадку, что просто кто-то стянул, что плохо лежит, а потом – спрятал картину, потому что после разразившегося скандала продать ее было невозможно.

Но в данном случае картину не украли, ее просто внимательно рассматривали. Старыгин еще немного полюбовался на картину, потом вздохнул и перевернул ее. Открылся старый подрамник, пыльный и засиженный мухами. Никаких надписей на нем не было, только в левом нижнем углу Старыгин увидел светлое пятно, как будто дерево слегка почистили. Так оно и было, и на светлой древесине, очищенной от многолетней бытовой грязи, нарисован был странный значок – эллипс и палочка. Фигура была похожа на глаз, густо подведенный к виску. Сравнение с глазом получилось оттого, что значок был нарисован черной тушью, яркой, несмотря на годы.

Старыгин пожал плечами и задумался. Минувшей ночью в Эрмитаже произошло два преступления, которые связаны между собой, это очень наглядно продемонстрировал ему только

³ См. роман Н. Александровой «Бассейн в гареме».

что Легов, показав след от ботинка сорок третьего размера. Здесь, в мастерской, Старыгин посмотрел на картину и отыскал на подрамнике странный значок.

Что было нужно преступнику в отделе Древнего Египта? Поскольку замок оказался неповрежденным, а никаких указаний ему не давали, Старыгин аккуратно запер дверь своего кабинета и отправился длинными коридорами и лестницами вниз, в отдел Древнего Египта. Там уже улеглась суeta, собрали безделушки, выпавшие из витрины, замели осколки. Статуя каменного писца стояла пока на том же месте, где оставил ее неизвестный злоумышленник, двери в зал заперли и посетителей не пускали.

Старыгин прошел мимо двух каменных саркофагов, в которых должны были быть похоронены военный полководец Яхмес и его мать, царица, мимо групповой статуи правителя Фив с женой и матерью. Все трое уютно сидели рядышком на каменной скамье, и совершенно невозможно было определить, которая из женских фигур является матерью, а которая – женой. Старыгин остановился еще перед витриной, заполненной каменными статуэтками богов, кошек и птиц. Каменные кошки Древнего царства вели себя совершенно так же, как его Василий: сидели, аккуратно подогнув под себя лапы, лежали, развалившись на солнышке, как кот на диване, и умывались, подняв к небу заднюю лапу.

Дальше располагался деревянный саркофаг, найденный при раскопках могилы жреца, а в стеклянном ящике – его мумия. Старыгину всегда было совестно смотреть на мумию. Жил человек хоть и очень давно, потом умер, его похоронили, как положено по обычаю древних египтян – положили в саркофаг ценные вещи, все, что может понадобится в Царстве Мертвых, снабдили множеством статуэток – ушебти, которые будут помогать покойному. Потом заперли все это в каменный саркофаг, а его в свою очередь поместили в гробницу. И оставили в полной темноте и безмолвии. А через много лет пришли археологи, распотрошили все, растащили по музеям и выставили мумию на всеобщее обозрение. Иногда Старыгин ловил себя на мысли, что на месте мумии жреца он обязательно бы ожил и делал окружающим всяческие гадости – только так можно отомстить людям за то, что лишили могилы.

Каменный писец был хорош, несмотря на почтенный возраст – больше четырех тысяч лет. Он сидел, удобно подогнув колени, и прилежно писал каменной палочкой на каменной дощечке. Лицо его было сосредоточенным и вполне современным. Старыгин поразился этому факту.

Заведующая отделом Мария Антоновна подошла неслышно.

– Любуется?

– Да я и сам, Мария Антоновна, погорелец, – признался Старыгин, – тоже в мастерскую залезли, но ничего не взяли, только беспорядок устроили.

– Чудные дела, – вздохнула хранительница, – хорошо, что ничего не взяли, а то уж не знаю, право, как и жить-то...

Солнце скатилось с лиловеющего небосвода и скрылось за изломанными хребтами Западных гор – в бескрайней, безжизненной пустыне, где не может уцелеть ни одно живое существо, где, как все знают, располагается Царство Мертвых.

Стихли последние звуки торжественного гимна, которым жрецы на пороге храмов провозглашали великое светило, и редкие группы людей заспешили к берегу Нила, где их дожидались лодочники. Они спешили к реке, чтобы как можно скорее вернуться на правый, восточный берег великой реки, туда, где теснились лачуги бедняков, скромные дома простолюдинов, туда, где возвышались великолепные дворцы знатных людей, где днем и ночью не затихала жизнь Города Живых, столицы фараонов – златовратых Фив.

Здесь, на левом берегу Нила, в Некрополе, Городе Мертвых, остались только те, кто служил мертвецам – жрецы и храмовые прислужники, стражи могил и плакальщицы, баль-

замировицики – тарихевты и нечистые паракиты, чьей работой было вскрывать тела мертвых перед тем, как тарихевты приступят к священному ритуалу бальзамирования.

Парахит Хоту вышел на порог своей жалкой лачуги и жадно вдохнул вечерний воздух, напоенный ароматами влаги и свежести, принесенными с Нила. Днем он не решался лишиться раз выйти из своего жилища – ведь люди его профессии считались нечистыми, встреча с паракитом предвещала несчастье, и любой прохожий мог обругать его, а то и огреть плетью, раздосадованный таким недобрым предзнаменованием.

Зато теперь, с наступлением ночи, он не боялся ничего – темнота скрывала знаки нечистой профессии на его лице и руках, ночь была его временем. Да и те случайные прохожие, которые могли повстречаться ему днем, давно уже покинули Город Мертвых и уплыли на правый берег Нила, и дружные голоса гребцов затихли в сумерках.

В сгущающемся воздухе стаями проносились летучие мыши – для них, как и для Хоту, началось лучшее время суток, время охоты. Они проносились в воздухе в погоне за мошкаррой и мелкими насекомыми, едва не задевая лицо старого паракита.

Быстро темнело, на небе выступила ослепительная россыпь звезд. Среди редких лачуг, выступающих в темноте еще более темными массивами, и каменных осыпей замелькали гибкие, неуловимые силуэты – это шакалы, служители Анубиса, пришли в Город Мертвых за поживой, за ежедневной данью.

Те люди, которые приплывали ранним утром на левый берег великой реки, чтобы навестить своих умерших родственников, приносили на их могилы положенные дары – гусей и кур, рыб и черепах, коз и газелей, напитки и сладости, цветы и благовония – то, что позволял каждому его достаток. Ведь если мертвые будут тобой недовольны, они могут принести неисчислимы несчастия – болезнь и неурожай, пожар и засуху, гнев владыки или падеж скота.

Те, кому не по карману были дорогие приношения, покупали в лавках раскрашенные хлебцы в форме гусей или коз, чтобы с молитвой положить их на могилы предков и смягчить их хоть таким символическим приношением.

И когда шакалы по ночам пожирали оставленные на могилах дары, родственники умерших радовались – они считали, что их приношения угодны предкам, что те приняли их и теперь будут благосклонны к своим живым родственникам. Поэтому на шакалов не дозволялось охотиться, больше того – встретив их, следовало уступить дорогу, произнеся краткую молитву.

Честно говоря, эти обнаглевшие твари были просто опасны для одинокого ночного путника, поэтому с наступлением темноты жители Города Мертвых старались не покидать свои жилища.

Еще опаснее шакалов были двуногие хищники – шайки могильных воров, пробиравшиеся в Город Мертвых, чтобы вскрывать и грабить богатые захоронения знатных египтян. Их преследовала ночная стража Некрополя, но воры были хитры и неуловимы, как шакалы, и зачастую ускользали от стражников, скрываясь в горных пещерах и одним из известных тайных укрытиях.

Впрочем, этих двуногих шакалов Хоту несколько не боялся – с него могильным ворам не было никакой поживы, а встречи с паракитом они опасались, поскольку были суеверны как никто другой.

А вот против четвероногих хищников у него была крепкая суковатая палка и Шасу – черный лохматый пес, тощий и вечно голодный.

Хоту вооружился своей палкой, окликнул пса и пошел по каменистой тропинке, взбегавшей к отрогам Западных гор, – старик хотел найти целебный корень, помогающий от ломоты в костях, донимающей его последние дни. Конечно, искать коренья в темноте – нелегкое дело, но знакомый травознай говорил ему, что только найденный ночью корень обладает целительной силой.

Шасу побежал вперед по тропинке, спугнул какого-то мелкого зверька и вдруг застыл на месте, угрожающе зарычал, прижав уши, вздыбив шерсть на загривке.

– Что ты рычишь, отродье Сета? – негромко проговорил паракхит, догнав пса и схватив его за загривок.

И тут он увидел впереди, среди камней, медленно двигающуюся человеческую фигуру.

Это не был могильный вор – те одевались в короткие темные накидки, не мешающие движениям и скрывающие их в темноте, да и ходили они небольшими группами. Это не был и кто-то из стражей Некрополя – те носили короткие военные плащи и уж точно не ходили поодиночке. Кроме того, и воры, и стражники уверенно чувствовали себя в просторах ночного Некрополя. Это же был человек богатый и знатный, о чем говорила длинная белая одежда, и он наверняка первый раз шел ночью по Городу Мертвых – так медленно и неуверенно он двигался.

В первый миг Хоту подумал догнать этого ночного путника и предложить ему помощь в надежде на богатое вознаграждение. Но тут же он отказался от этой мысли – одинокий прохожий мог разглядеть знаки его нечистой профессии и прогнать старика. Кроме того, вряд ли его привело ночью в эти опасные места благое дело, на уме у него недоброе, и в таком случае случайному свидетелю не поздоровится.

Но врожденное любопытство не оставляло паракхита, и он решил тайком проследить за незнакомцем, чтобы выяснить, что у того на уме и куда он направляется.

– Веди себя тихо, семя Сета, а то отдам тебя духам пустыни! – шепотом пригрозил он своему псу и крадучись двинулся вслед за таинственным путником.

Они обошли несколько бедных могил, миновали высокую скалу, которая стояла на краю Некрополя, как дозорный Западных гор, поднялись по пологому склону и свернули влево.

Только тогда Хоту догадался, куда идет незнакомец.

Он шел к лачуге Фетх, старой знахарки.

Паракхит боязливо поежился – Фетх зналась с нечистыми духами, и ее опасались все жители Города Мертвых, даже могильные воры старались обходить ее убогую лачугу. Только те, кого гнала насущная потребность в ее тайных познаниях, рисковали посетить жилище старой колдуньи. Тем не менее незнакомец свернул к темному проходу среди камней, за которым обитала Фетх.

Из дверей ее хижины пробивался неровный колеблющийся свет. Фетх не спала, она занималась своим темным ремеслом, и Хоту почувствовал, как мурашки пробежали по его спине под покрывавшей его ветхой накидкой. Тарихевт Набу как-то шепотом рассказывал, что своими глазами видел, как старуха разговаривала с шакалом и тот отвечал ей человеческим языком.

Шасу тихонько заскулил, видимо, почувствовав испуг хозяина, но старик шикнул на пса, припал к земле и подполз еще ближе к ведьминой лачуге. Любопытство оказалось сильнее страха.

Незнакомец подошел к хижине Фетх и остановился на пороге, видимо, не решаясь войти внутрь – то ли из страха, то ли из отвращения: из жилища ведьмы доносились мерзкие запахи приготавливаемых старухой колдовских снадобий.

В свете, пробивающемся из хижины, Хоту смог разглядеть ночного путника. Это был, как он и думал, знатный человек. Выбритая, ничем не покрытая голова говорила о том, что он принадлежит к жреческой касте. Незнакомец был еще достаточно молод, должно быть, не больше тридцати раз видел он весенние разливы Нила. Он был высок, обладал правильным лицом с красивыми удлиненными глазами, но на этом лице лежала печать усталости и беспокойства.

– Эй, старая! – окликнул он колдунью. – Я знаю, что ты дома. Выйди поговорить со мной.

– Кого это принес Сет в такое неподходящее время? – донесся из хижинны скрипучий голос знахарки.

– Тебе нет дела до моего имени, – недовольно отозвался незнакомец. – Пусть мое серебро скажет все за меня!

– Язык серебра я очень хорошо понимаю, – отозвалась Фетх и выбралась на порог своей лачуги, из-под руки разглядывая ночного посетителя.

Она была сгорблена и уродлива, как искривленное высохшее дерево, и так стара, что, должно быть, помнила времена Великого потопы. На ее лице, высохшем, изрезанном морщинами, как кора сикоморы, жили только яркие, внимательные глаза. Подняв в сухой руке пылающий факел, старуха осветила своего ночного гостя, внимательно оглядела его и проговорила своим скрипучим голосом:

– Ты – из высокой касты жрецов, это каждому видно. Об этом говорят твои белоснежные одежды и выбритая голова. На твоих одеждах не оставила следа едкая пыль пустыни, ты не испачкал их даже этой ночью, по пути к моей грязной лачуге. Но этого мало... клянусь зоркими глазами мудрого ибиса, птицы Тота, ты – один из посвященных в тайны небесной россыпи, один из обитателей Дома Чисел!

– С чего ты это взяла? – пробормотал ночной гость с явным неудовольствием.

– Мне сказали об этом твои зрачки, не сузившиеся при свете факела. Ты привык долгими часами вглядываться в бездонное ночное небо, привык подсчитывать небесные стада, читать по этой черной книге тайны прошлого и будущего.

– Не слишком ли много ты говоришь, старуха? – раздраженно проговорил жрец и бросил на землю перед знахаркой серебряное кольцо. – Возьми мое серебро и не болтай лишнего! Даже ночная пустыня подслушивает разговоры тысячей ушей!

– Спасибо тебе, знатный господин! – угодливо проскрипела Фетх, еще больше согнувшись и с жадностью подобрала кольцо. – Ты щедр, знатный господин, но скажи – чем я могу отплатить за твою щедрость? Чем может помочь глухая старуха такому мудрецу, как ты? Тому, для кого нет тайн ни на земле, ни на небе?

– Ты стара, и ты очень много знаешь! – с заметным смущением произнес жрец. – Ты знаешь такое, о чем не догадываются мужи знаний, проводящие свои дни за чтением папирусов... о чем не догадываются обитатели храмов...

Он замолк, не решаясь продолжить, и старая Фетх проговорила вкрадчивым голосом:

– Должно быть, знатному господину приглянулась какая-то красавица из богатого и могущественного дома, такая, которой нельзя просто приказать: приди ко мне сегодня! Многие важные господа приходили с этой жалобой к старой Фетх, и я давала им любовное питье, которое делает просто чудеса! Достаточно влить один пузырек этого настоя в питье красавицы – и для нее не будет в мире ни одного мужчины желаннее тебя! Но то были старые, немощные господа, уродливые и морщинистые, как ствол баобаба из страны Нуб, а ты, мой владыка, молод и красив, как Осирис, и тебе достаточно улыбнуться, чтобы все красавицы златовратых Фив были у твоих ног! Зачем тебе любовное зелье, когда твоя кожа пахнет кардамоном, а голос звучит сладко, как голос ночной птицы?

– Умолкни, старуха! – оборвал ее жрец. – Не для того я пришел к тебе, чтобы слушать эти похотливые бредни! И не нужно мне твое любовное зелье...

– Тогда, может, знатному господину нужно другое зелье – то, от которого глаза закрываются навеки и человек засыпает таким сном, от которого нет пробуждения? Может быть, у тебя есть злейший враг, чья жизнь не дает тебе покоя, или недруг, из-за которого ты не можешь занять новую высокую ступеньку в Доме Чисел?

Жрец пробормотал что-то неразборчивое, схватил старую ведьму за край одежды и встряхнул ее:

– Что ты болтаешь, старая? Хорошо, что нас никто не слышит! Если ты скажешь еще что-то подобное, я проткну твоё дряхлое тело кинжалом, как протыкают тело жертвенного животного, рассеку на сорок частей и разбросаю по всему Городу Мертвых, чтобы в загробной жизни ты и за тысячу лет не могла их собрать!

Старуха побледнела и затряслась, как древесный лист под западным ветром, ветром бесконечной пустыни: она уже не боялась смерти, но как всякий египтянин, невероятно страшилась того, что тело ее будет расчленено и в Царстве Мертвых не сможет стать обиталищем для души.

– Не слушай, не слушай глупую старуху, знатный господин! – пробормотала она своим скрипучим голосом. – Я сама не знаю, что говорю! Скажи мне, мой владыка, чего ты желаешь, и старая Фетх попытается сделать все, что в ее силах!

Жрец разжал руку, выпустил старую ведьму и заговорил тише, склонившись к ней.

Хоту с молодости отличался хорошим слухом, но даже ему пришлось подползти ближе, чтобы разобрать слова жреца.

– Я слышал, что в одной из гробниц Города Мертвых хранится великое сокровище, – начал он.

– О, мой господин, грабить могилы скверно! – заныла старуха. – Боги этого не прощают! Они наказывают грабителей страшными болезнями, от которых те слепнут и глохнут, теряют разум и умирают в ужасных мучениях...

– Дослушай меня, старая! – рявкнул ночной гость. – Мне не нужно золото мертвых, не нужны драгоценные камни и слоновая кость! Мне нужен только один папирус... может быть, ты слышала о нем. Его называют папирусом Тота, или Мудростью Мудрых...

Старуха замолкла, сжавшись в комок, будто ей стало холодно. Глаза ее испуганно забегали.

– Ты же сам говорил, щедрый господин, что у ночной пустыни тысячи ушей! – проговорила она, понизив голос. – Ты ругал старую Фетх за то, что она чересчур болтлива, а теперь сам говоришь такие ужасные вещи! Это опасно, очень опасно, особенно для такой беспомощной нищей старухи, как я!

Жрец понял намек на щедрость и бросил к ногам старухи еще одно серебряное кольцо.

– А ты постарайся вспомнить, старая, – и не будешь такой нищей! Вдобавок к этому серебру я дам тебе золото, много золота! Постарайся вспомнить, может, ты слышала об этом папирусе! Он содержит древние знания о науке чисел и о самом главном числе, которое заключает в себе тайну жизни и смерти!

– Что я могу знать о таких умных вещах? – проскулила Фетх. – Я простая старуха... я никогда не слышала о таком папирусе, я вообще не умею разбирать черные значки иероглифов... вот Габд-а-Батх, Шейх Ночи, он, должно быть, знает гораздо больше меня!

Хоту вздрогнул: он кое-что слышал о том, кого называли Шейхом Ночи, и эти слухи были страшными. Шейх Ночи был главарем самой большой шайки грабителей могил, самым удачливым и беспощадным. Он ловко уходил от стражей Некрополя, и его добыча всегда была велика, как ни у кого из ночных грабителей. Но не из-за этого так боялись его все обитатели Города Мертвых, не из-за этого произносили его имя со священным ужасом. Шейх Ночи часто уходил на запад, за горы, туда, где простиралась великая бескрайняя пустыня, и общался там со злыми духами, с потомками и прислужниками Сета. Именно они приносили ему удачу и богатую пожизну. По крайней мере, такие слухи ходили о нем на левом берегу Нила.

– Сведи меня с этим человеком – и я заплачу тебе золотом! – высокомерным тоном произнес жрец, пристально поглядев на испуганную старуху.

– Я попытаюсь... – едва слышно ответила та своим скрипучим голосом. – Я попытаюсь, знатный господин, но не знаю, удастся ли мне это: ведь Шейх Ночи свободен, как ветер. Сегодня он может быть здесь, в Городе Мертвых, а завтра...

Знахарка понизила голос, а потом и вовсе перешла на шепот, так что Хоту не мог больше разобрать ни слова.

Шасу снова напрягся, уставившись в темноту, шерсть у него на загривке встала дыбом. Хоту взглянул в ту сторону, куда смотрел пес, и заметил среди камней какое-то едва уловимое движение. Сперва он подумал, что это голодный шакал крадется за добычей, но, внимательно приглядевшись, понял, что это не священный зверь Анубиса, а куда более опасное двуногое создание. Действительно, шакалы по ночам чувствовали себя хозяевами в Городе Мертвых и расхаживали по нему, не скрываясь: ведь их почитали как слуг Анубиса, и всякого, кто посмел бы нанести вред шакалу, ждала суровая кара.

Старый парахит перебрался чуть в сторону, забравшись на каменное возвышение, откуда можно было лучше разглядеть того, кто прятался в темноте. И действительно, он смог различить затаившуюся среди камней человеческую фигуру.

В слабом отсвете факела блеснула выбритая голова, белые одежды... это был жрец, и у Хоту не осталось сомнений, что он следит за своим собратом, беседующим со старой знахаркой.

Хоту схватил своего пса за загривок и скользнул в темную расщелину между двух скал: то, что здесь происходило, нисколько его не касалось. Если жрецы из Дома Чисел встречаются по ночам с ведьмой, если они следят друг за другом – это слишком опасные дела для такого беспомощного старика, как он. Лучше держаться от них подальше, лучше скрыться в свою жалкую лачугу, как мелкие зверьки пустыни прячутся в норы, когда по раскаленному от зноя песку и камням скользит тень орла.

Пес попытался заскулить и вырваться, его интересовали ночные шорохи и приглушенные звуки, но парахит только крепче сжал шерсть на загривке и хорошо знакомой тропинкой среди надгробий заспешил к своей хижине.

Ат Сефтор выслушал старуху, бросил перед ней на каменистую землю еще одно кольцо – на этот раз золотое, как и обещал – и двинулся в обратный путь. Сегодня он не сможет встретиться с Шейхом Ночи, не сможет увидеть тот папирус, о котором так много слышал. Ну что ж, он и не рассчитывал на такой быстрый успех. Главное, что он сделал шаг в нужном направлении, а каждая дорога начинается с первого шага.

Кстати, та дорога, по которой он шел в эту минуту, была неровной, каменистой и опасной. Ат Сефтор настороженно взглядывался в темные надгробья, в каменные осыпи, то и дело преграждающие ему путь, и пытался не потерять направление. Ему нужно было до часа быка возвратиться к воротам Дома Чисел – пока не сменился тот стражник, которого удалось подкупить.

Занятый этими мыслями, молодой жрец не замечал крадущейся по его следам тени, не замечал человека в таких же, как у него, белоснежных жреческих одеждах.

Старыгин поднялся на свой этаж. Дверь соседской квартиры – той, куда он утром впустил сестру соседки, – была полуоткрыта, из-за нее доносились приглушенные голоса.

Дмитрий Алексеевич не придавал этому значения, тем более что его гораздо больше беспокоил голос, доносившийся из-за его собственной двери, голос его обожаемого кота Василия.

Старыгин торопливо открыл дверь и вошел в свою квартиру.

Василий с громким, возбужденным мяуканьем бросился навстречу хозяину.

– Ну что такое? – растроганно проговорил Дмитрий Алексеевич, наклонившись, чтобы почесать кота между ушами. – Ты соскучился? Ну все, я пришел и больше никуда не уйду! По крайней мере, сегодня, – уточнил он, чтобы не вводить Василия в заблуждение.

Однако кот все не мог успокоиться, он терся о ноги хозяина, громко мяукал и заглядывал в глаза, словно хотел ему рассказать что-то очень важное.

– Ну, в чем дело? – Старыгин взял кота на руки, что было не так-то просто, учитывая внушительные размеры Василия, и отправился на кухню, чтобы накормить своего любимца.

Однако даже после того, как он достал из холодильника банку кошачьих консервов и выложил в мисочку добрую половину, Василий не успокоился. Вместо того чтобы немедленно приняться за еду, он вспрыгнул на стул, поднял пушистый хвост трубой и испустил длинный трагический вопль.

– Да что с тобой сегодня? – удивленно проговорил Дмитрий Алексеевич. – У тебя что – пропал аппетит? Может быть, ты заболел?

Действительно, что-то, а аппетит у его кота всю жизнь был отменный.

И в это мгновение в дверь его квартиры позвонили.

Василий еще раз мяукнул, взглянул на хозяина с таким выражением, как будто хотел ему сказать – я же тебя предупреждал! – и стремглав бросился к двери.

Старыгин вернулся в прихожую и, не задавая никаких вопросов, распахнул дверь.

Перед ним стояла невысокая девушка в сером брючном костюме. Свет падал на нее сзади, с лестницы, и Дмитрий Алексеевич не сразу разглядел ее лицо. В первую секунду ему показалось, что это – та самая утренняя незнакомка, точнее – сестра соседки Лены, которой он помог открыть дверь. Но тут же он понял, что это не она. Эта девушка была чуть полнее, с круглым приятным личиком первой ученицы.

– Старыгин? – спросила она неожиданно строгим и официальным голосом. – Дмитрий Алексеевич?

– Да, – растерянно отозвался тот. – А в чем дело? Мне нужно где-то расписаться?

Ему пришло в голову, что кругленькая девушка принесла ему телеграмму или какой-нибудь счет.

Кот Василий вел себя странно – он спрятался за хозяина и боязливо мяукал, поглядывая на гостью.

– Расписаться? – переспросила девушка неодобрительно. – Нет, расписываться пока нигде не нужно. Нужно пройти вместе со мной в соседнюю квартиру.

– Ничего не понимаю! – пробормотал Старыгин. – Чего вы от меня хотите? Я только что пришел с работы, еще даже не поел... зачем мне идти к соседям?

– Не будем препираться! – строго проговорила девушка и отступила в сторону, словно приглашая Старыгина на лестничную площадку. – Я вам сказала – пройдемте со мной!

– Да не пойду я никуда! – в душе Дмитрия Алексеевича внезапно поднялось глухое раздражение. – Что у вас – телеграмма? Извещение? Повестка? Давайте ее и оставьте меня в покое!

Василий подмякнул, явно одобряя решительную и твердую позицию хозяина.

– Мне с вами некогда выяснять отношения! – девушка повысила голос и протянула открытую книжечку. – Капитан Журавлева!

Старыгин нервно хмыкнул: долговязая фамилия совершенно не подходила невысокой пухленькой девушке. Кроме того, он почувствовал неловкость оттого, что принял ее за почтальона. Девушка смотрела очень серьезно и даже строго, глаза у нее были серые, радужка обведена черным ободком.

– Пройдемте в соседнюю квартиру! – повторила Журавлева и пошла вперед, не дожидаясь Старыгина.

Дмитрий Алексеевич тяжело вздохнул, повернулся к Василию и проговорил:

– Да, ты же меня хотел предупредить о неприятностях... ну, побудь еще немножко один! Надеюсь, это ненадолго!

Он закрыл дверь своей квартиры на ключ и устремился вслед за девушкой, окликнув ее:

– А что случилось-то?

Подходя к полуоткрытой соседской двери, та обернулась и странным голосом проговорила:

– Может быть, именно вы мне это расскажете?

Голос ее при этом звучал холодно и строго, что совершенно не вязалось с юным и привлекательным лицом.

– Что? – удивленно протянул Старыгин, вслед за ней входя в Ленину квартиру. – Почему это я?

И тут же слова застряли у него в горле.

На полу в прихожей лежала мертвая женщина. На этот раз никакой ошибки быть не могло – это была та самая девушка, которой он минувшим утром помог открыть дверь, сестра его соседки Лены. Только утром она была живой и привлекательной. А сейчас...

Она лежала на полу в странной и неудобной позе, привалившись боком к стене. Глаза ее были открыты и смотрели на что-то, расположенное в другом конце прихожей.

На что-то или на кого-то.

И на груди у нее темнело большое багровое пятно.

Такие же багровые пятна расплзлись у нее за спиной по серебристым обоям. И на полу тоже была подсохшая темная лужица.

– Господи! – выдохнул Старыгин. – Что с ней?

Мимоходом он поразился глупости своего вопроса – как будто неясно, что девушка не просто умерла, а, выражаясь языком милицейских протоколов, «убита насильственной смертью».

– Вы ее знаете? – быстро спросил его мужской голос.

Старыгин обернулся и только теперь увидел, что в прихожей кроме него самого и капитана Журавлевой было еще полно народу – двое или трое озабоченных мужчин однозначно милицейской внешности и пожилая соседка Вера Кузьминична, сидевшая на табуретке, с руками, сложенными на коленях, и скорбным выражением лица.

– Это... это Ленина сестра... – с трудом выдавил Старыгин. – Она сегодня утром приехала из Воронежа...

– Нет, не сестра она! – поспешно проговорила Вера Кузьминична. – Сестру Ленину я видала, приличная женщина!

– Совершенно верно, – поддержала ее капитан Журавлева. – Мы связались с Воронежем. У гражданки Боровиковой действительно есть там родная сестра, но она, во-первых, жива и здорова, во-вторых, никуда из Воронежа не выезжала, и в-третьих, ей пятьдесят три года... так что это явно не она!

– Ну, я не знаю... – протянул Старыгин. – Она мне так сказала... и у нее были ключи от квартиры...

Он пытался не смотреть на мертвую девушку, но взгляд то и дело невольно возвращался к ней, мертвое лицо с широко открытыми глазами притягивало его, как змея притягивает взгляд кролика. Против своей воли Старыгин вспоминал утреннюю встречу с этой девушкой, их короткий разговор.

– Значит, вы с ней разговаривали, – удовлетворенно проговорила Журавлева.

– Ну да... она попросила помочь ей открыть дверь...

– Что-то у вас не вяжется, – прервала его Журавлева. – Только что вы сказали, что у нее были ключи...

– Ну да, ключи у нее были, но она не могла открыть дверь. Так иногда бывает...

– А вы сразу смогли! – ехидно вставила молодая капитанша.

– Ну... смог... – отозвался Старыгин, чувствуя себя удивительно глупо. – А что такого?

– Вопросы здесь задаем мы! – подал голос один из мужчин, суетившихся в прихожей.

– Вот именно! – поддержала его Журавлева. – Открыв дверь, вы тут же ушли?

– Конечно, – Старыгин кивнул. – Я спешил на работу...

– И не заходили в квартиру Боровиковых?

– Н-нет... – неуверенно протянул Дмитрий Алексеевич.

– Тогда объясните мне, как в прихожей Боровиковых оказался вот этот предмет? – Журавлева, не скрывая торжества, протянула ему прозрачный пластиковый пакетик, внутри которого Старыгин разглядел свою собственную ручку. – Надеюсь, вы не будете утверждать, что эта вещь вам незнакома?

– Ну да, это моя ручка, – Дмитрий Алексеевич потянулся за ручкой, но Журавлева спрятала пакетик за спину.

– Впрочем, даже если бы вы это не признали, это вам нисколько бы не помогло, потому что на ручке выгравировано ваше имя... и даже фамилия! Так что вы, можно сказать, оставили на месте преступления свою визитную карточку!

– Ну да, – кивнул Старыгин, – эту ручку мне подарили коллеги на день рождения...

– Так как же она попала в эту квартиру?

– Ах, ну да... когда мы открыли дверь, зазвонил телефон... эта девушка сняла трубку... звонила Лена... кстати, как же вы говорите, что это не сестра, если она с ней разговаривала...

– Это только вы так считаете! – оборвала его Журавлева. – Вы же не говорили с Леной по телефону?

– Н-нет... – до Старыгина медленно доходило, какого же он свалил утром дурака, когда поверил незнакомой женщине только потому, что она пыталась открыть дверь соседской квартиры.

– Но при чем здесь ручка? – не отставала от него Журавлева.

– Она попросила у меня ручку, чтобы что-то записать... кажется, какой-то телефон...

– Значит, вы все же заходили в квартиру! – удовлетворенно произнесла Журавлева. – А только что вы озвучили совершенно другую версию! Как-то вы путаетесь в показаниях!

– Ну да... но я заглянул сюда буквально на секунду... только отдал ей ручку, даже не стал ждать, пока она запишет и вернет ее... я очень спешил на работу...

– Вы говорите, что она хотела вашей ручкой записать телефон? – продолжила девушка с коварным блеском в глазах.

– Так мне показалось... – протянул Старыгин. – Может быть, не телефон, а что-то другое...

– Вот именно – что-то другое! Однако она записала это совсем другим предметом!

С этими словами Журавлева приблизилась к трупу и драматическим жестом показала на стену рядом. Старыгин сделал два шага в ту сторону и увидел на серебристых обоях над мертвой девушкой коряво выведенную темно-красным надпись:

«Б-41-2-3».

– Как видите, она сделала эту надпись не вашей ручкой, а собственной кровью! Значит, это было очень важно для убитой! Настолько важно, что она написала это в последние секунды своей жизни! Скажите правду, Старыгин! Что здесь произошло?

– Я сказал вам все, что знал, – отозвался Дмитрий Алексеевич с глубоким вздохом. – Неужели вы думаете, что если бы я... был к этому как-то причастен...

Ему показалось, что он стал участником какой-то пьесы абсурда. Эта агрессивная девица с бульдожьей хваткой, совершенно не сочетающейся с привлекательным юным лицом, ее подчиненные с пустыми глазами и невыразительными лицами, чужая квартира, и главное – мертвая девушка, которую только утром он видел живой и веселой. Она улыбалась ему, слегка кокетничала, представилась не той, кто есть на самом деле.

Какая ужасная история!

– Во всяком случае, вы были последним, кто видел эту девушку живой, – напомнила о себе капитан Журавлева. – Вы разговаривали с ней... у нее найден принадлежащий вам пред-

мет... так что на вас падают определенные подозрения. Хотя я пока не вижу мотива... Во всяком случае, я рассчитывала, что вы хотя бы поможете нам установить ее личность. А так... мы снова оказались в самом начале пути, и никаких зацепок!

«Зануда, – подумал Старыгин, – и дура, дальше своего носа не видит. Прямо как носорог – кого первого увидит, на того и нападает...»

Он представил себе пухленькую невысокую милицейскую капитаншу в виде миниатюрного носорога и подивился, что за чушь лезет в голову. Ведь она и вправду его подозревает в преступлении, и даже может посадить в камеру. Кажется, они имеют право задержать любого человека на двадцать четыре часа без объяснения причин... Или это не в нашей стране?

Знания о законах Дмитрий Алексеевич почерпнул из детективных фильмов, которые изредка смотрел по телевизору. Сейчас от стресса в голове его все перемешалось.

– Послушайте, – сказал он, – но ведь можно же, наверное, установить, когда она умерла, хотя бы примерно... А я, между прочим, целый день на работе был, в Эрмитаже.

– Кто-нибудь может это подтвердить? – сухо поинтересовалась капитан Журавлева.

– И очень многие, – злорадно ответил Дмитрий Алексеевич, действительно, он сегодня целый день был на людях.

«С другой стороны, – тут же подумал он, – если рассказывать милиции, что мою мастерскую вскрыли именно сегодня, это наведет их на еще большие подозрения».

Мужчина в очках, возившийся с телом, поднял голову, вслушиваясь в разговор. Очки его насмешливо блеснули. Старыгин правильно уловил его мысль – мол, не лезь, куда не просят, не давай неквалифицированных советов, в своих делах мы как-нибудь сами разберемся. Он не мог не признать правоту эксперта – сам терпеть не мог, когда говорили под руку и мешали работать.

Старыгин вздохнул и встретился глазами с соседкой Верой Кузьминичной – той было скучно сидеть, она недовольно глядела на милиционеров, топчущихся по лакированному паркету, и тяжело вздыхала. На Старыгина она тоже глянула осуждающе – мог ведь утром забить тревогу, а он проявил легкомыслие, и вот чем это закончилось. Еще и соседей теперь затаскают...

Старыгин снова вздохнул и отвернулся, старательно отводя глаза от трупа блондинки. Смотреть было решительно не на что, и тогда на глаза ему попала надпись на стене. Он изучал ее долго и пристально, пока наконец не сообразил, что она означает. Мысль была настолько неожиданной, что он хмыкнул.

– Нравится картинка? – тут же спросила капитан Журавлева, оказалось, она пристально за ним наблюдала все это время, не выпуская из поля зрения, как опытная кошка следит за мышью. – Интересуетесь, что женщина перед смертью написала?

– Это не она написала, – вступил в разговор эксперт, – она при всем желании этого написать не могла. Для этого ей пришлось бы встать на колени и повернуться, а она этого не делала, иначе остались бы следы вот тут и вот тут. Да и вообще, с такой тяжелой раной она едва рукой пошевелить могла, да и то вряд ли, похоже, что умерла на месте...

– Вот как? – Журавлева подняла брови и повернулась к Старыгину. – А вы что скажете?

– Эта надпись... – протянул Старыгин. – Вы поняли, что это такое? Может быть, она поможет вам установить личность убитой?

– Мы над этим работаем! – недовольным тоном отозвалась Журавлева. – Скорее всего это код банковской ячейки...

– Нет, – Старыгин покачал головой, – это совсем не то! – Он развернулся и устремился прочь из квартиры.

Один из мужчин шагнул вслед за ним, но Журавлева придержала его за локоть.

Через минуту Старыгин снова ворвался в соседскую прихожую, потрясая над головой толстым томом в черной обложке.

– Вот это что такое! – выпалил он в возбуждении.

– Нельзя ли пояснить? – Журавлева смотрела на Дмитрия Алексеевича требовательно и строго.

– Именно в такой форме делают ссылки на фрагменты Библии. Буква – это название книги, цифры – номер главы и фрагмента внутри нее... Вот, смотрите – «Б-41-2-3» – это значит Книга Бытия, сорок первая глава, стих второй и третий.

Он раскрыл массивный том и прочитал:

«И снилось фараону: вот, он стоит у реки. И вот, вышли из реки семь коров, хороших видом и тучных плотью, и паслись в тростнике.

Но вот, после них вышли из реки семь коров других, худых видом и тощих плотью, и стали подле тех коров, на берегу реки.

И съели коровы худые видом и тощие плотью семь коров хороших видом и тучных.

И проснулся фараон. И понял, что это сон».

– И что вся эта белиберда значит? – с явно выраженным недоверием осведомилась капитан Журавлева.

– Сон фараона... – протянул Старыгин. – Который потом удачно растолковал Иосиф... Впрочем, вам это ничего не говорит... боже мой! Гадание Иосифа перед фараоном!

– Почему это вас так удивило? – наступала милицейская девица. – Это вам о чем-то говорит?

– Может быть... – Старыгин опустил глаза, задумавшись. – Очень может быть!

– Наталья Игоревна! – проговорил сотрудник Журавлевой. – По-моему, он вам душит голову! Прижать его как следует... мы с вами и не таких раскалывали!

Не следовало ему вступать в разговор, да еще таким пренебрежительным тоном. Старыгин тотчас разозлился. За время допроса он малость пришел в себя, оправился от первого шока и теперь, расшифровав кровавую надпись, почувствовал себя в своей стихии. Теперь у него было над чем подумать. Он прислонился к стене и сложил руки на груди, зажав Библию под мышкой. Весь вид его говорил: не хотите меня слушать – не надо. Я свое слово сказал, а вы можете до умопомрачения искать несуществующую банковскую ячейку или что там еще придет в голову бравой капитанше.

Все присутствующие занимались своим делом, только капитан Журавлева следила за Старыгиным и правильно поняла его взгляд. Еще она поняла, что сейчас он больше ничего не скажет – смотрит свысока на них, сиволапых, мол, где уж вам догадаться, только и умеете, что убийства в пьяной драке расследовать...

– Пока вы можете идти, – сказала она.

– И на том спасибо! – буркнул Старыгин. – До свидания, Вера Кузьминична! – и вышел, не противившись с остальными.

Закрыв дверь своей квартиры, он сказал коту Василию, смирно сидевшему в прихожей:

– Похоже, у нас с тобой крупные неприятности!

Кот ничего не ответил, зато капитан Журавлева, подслушивающая под дверью, возликовала – слова Старыгина подтверждали ее подозрения. Она думала, что он звонит кому-то по телефону.

Наутро выяснилось, что неприятности притягиваются друг к другу, как магниты, потому что машина не завелась. Собственно, в этом не было ничего неожиданного, старые «Жигули» давно уже просились на свалку и отказывались ездить примерно раз в неделю, поэтому Старыгин махнул рукой и направился к троллейбусной остановке. Нужный ему троллейбус как раз закрывал двери, но Дмитрий Алексеевич в последнюю секунду успел вскочить на подножку.

Протиснувшись в салон, он остановился возле девочки-старшеклассницы с разноцветными прядями волос. Вдруг она вскочила, скороговоркой проговорила:

– Садитесь, пожалуйста!

Старыгин ужасно расстроился: неужели он так плохо выглядит, что девушки уступают ему место? Пожалуй, нужно заняться спортом, больше ходить пешком и вообще вести более здоровый образ жизни... Он хотел уже раздраженно сообщить девчонке, что ему еще далеко до пенсии, когда с облегчением убедился, что она уступила место вовсе не ему: на освободившееся сиденье тяжело плюхнулся лысый толстяк лет шестидесяти с вечно недовольной красной, как перезрелый помидор, физиономией. Даже не подумав поблагодарить девушку, он уткнулся в развернутую газету.

Это была одна из многочисленных бульварных газет, перепечатавающих одни и те же дешевые сенсации. Старыгин машинально скользнул взглядом по заголовкам. Они читались с трудом, задом наперед, как в зеркале, но один заголовок он все же кое-как прочел:

«Снова – проклятие фараонов».

«Везде эти фараоны! – подумал он. – Древний Египет преследует меня на каждом шагу!»

Газета была у него прямо перед глазами, но прочесть содержание статьи не удавалось. Поэтому он разочарованно отвернулся и перевел взгляд на невысокого щуплого старичка в светлом поношенном плаще, стоявшего рядом с ним, ухватившись левой рукой за поручень. В правой руке старичок держал ту же самую бульварную газету.

«Снова – проклятие фараонов, – прочитал Дмитрий Алексеевич, невежливо заглянув через плечо старичка. – У известного английского археолога, крупного специалиста по цивилизациям далекого прошлого и особенно по Древнему Египту, обнаружены симптомы загадочной болезни...»

В это время старичок дочитал страницу и попытался перевернуть ее. Сделать это одной рукой у него никак не получалось, непослушная газета шуршала и складывалась самым неудобным образом, но дочитать статью Старыгину так и не удалось. Впрочем, она его не слишком заинтересовала: очередная газетная утка, не более того. Гораздо больше его заботила другая мысль.

«Вот почему каменного писца вытащили из витрины! – взволнованно думал Старыгин. – Ведь только так, заглянув ему через плечо, как я заглянул в газету этому старику, можно прочесть то, что написано на каменной табличке! Если смотреть спереди, со стороны витринного стекла, надпись будет зеркально перевернутой и прочесть ее гораздо труднее!»

Троллейбус съехал с Дворцового моста и затормозил на остановке. Старыгин протиснулся к выходу, перебежал площадь, взбежал по крыльцу Зимнего дворца.

Обычно он пользовался служебным входом Эрмитажа, но сегодня хотел первым делом заглянуть в Египетский отдел, поэтому прошел в главный холл вместе с оживленной группой иностранных туристов. Махнув перед охранником служебным удостоверением, стремительно пробежал по коридору первого этажа и вскоре влетел в большой зал Египетского отдела.

– Зал закрыт! – попыталась остановить его подслеповатая служительница, но Старыгин осторожно отодвинул ее и устремился к середине зала.

Двое рабочих тащили каменную статую к витрине, ремонт которой уже закончили, чтобы установить ее на прежнее место. Дмитрий Алексеевич машинально отметил, с каким трудом они несут каменного писца. Мария Антоновна, в своем неизменном синем костюме, стояла поодаль, наблюдая за работой.

– Подождите! – окликнул Старыгин рабочих. – Поставьте его!

Рабочие с готовностью подчинились, грохнув тяжеленную статую на каменный пол, и распрямились, вытирая пот.

– В чем дело, Дмитрий Алексеевич? – недовольно проговорила Мария Антоновна, повернувшись к Старыгину. – Мы и так опаздываем с открытием экспозиции! Михаил Борисович будет недоволен...

– Пойдите, Мария Антоновна! – Старыгин взял хранительницу под локоть и подвел ее к писцу. – Что написано на его табличке?

– Не понимаю... – она удивленно взглянула на реставратора. – О чем вы говорите? И вообще, какое отношение вы имеете...

– На табличке, которую держит писец, что-то написано, так? – терпеливо произнес Старыгин. – Я думаю, что его вытащили из витрины, чтобы прочесть эту надпись! Поэтому хочу спросить у вас – что здесь написано?

– Ерунда какая! – пробормотала хранительница. – Ведь это – всего лишь статуя! То есть произведение искусства, а не содержательный текст! То, что написано на табличке, вряд ли имеет какой-то смысл... это просто художественный элемент декора...

– А вот злоумышленник так не считал! – воскликнул Старыгин. – Он не поленился вскрыть витрину, вытащил тяжеленную каменную статую, чтобы прочесть эту, как вы считаете, бессмысленную надпись... Мария Антоновна, дорогая, скажите, что там написано – и я больше не буду к вам приставать!

– Ну хорошо... – хранительница вздохнула и склонилась над статуей, заглядывая через плечо писцу, как Старыгин заглядывал через плечо пассажиру с газетой.

– Ну, во-первых, сразу могу сказать, что это раннее иероглифическое письмо.

– Что? – переспросил Старыгин. – Мария Антоновна, помилосердствуйте! Не забывайте, я – не специалист по Древнему Египту и ваши термины для меня – китайская грамота... извините, по китайской культуре я тоже не специалист!

– Ну, если хотите, чтобы я вам что-то объяснила, – не перебивайте меня! – строго проговорила хранительница. – Египетская письменность в своем развитии прошла три основных этапа: на раннем, примерно за полторы тысячи лет до начала нашей эры, использовалось традиционное иероглифическое письмо, позднее, начиная примерно с тысяча трехсотого года...

– До нашей эры? – уточнил Старыгин.

– Разумеется! – Мария Антоновна строго взглянула на него. – Приблизительно с тысяча трехсотого года применялось так называемое иератическое письмо. Прежние иероглифы значительно изменились, в них очень трудно узнать характерные рисунки жителей Древнего царства. И, наконец, в четырехсотые годы до нашей эры на смену иератическому письму пришло письмо демотическое, знаки которого гораздо больше похожи на привычные нам буквы... в общем, эта лекция вряд ли принесет вам большую пользу, но я еще раз повторяю, что надпись на табличке сделана древними иероглифами, что вполне соответствует датировке этой статуи.

– Но все же, скажите мне, что именно здесь написано? – взмолился Старыгин.

– Уверю вас, ничего особенно интересного! – ответила Мария Антоновна, вглядываясь в линии, высеченные на табличке. – Это просто несколько цифр!

– Цифр? – разочарованно переспросил Старыгин.

– Именно! – подтвердила хранительница. – А вы чего ждали? Что здесь будет начертано имя вашего злоумышленника? Или секрет превращения свинца в золото? Нет, дорогой мой! Ничего особенного, всего несколько цифр!

– Но почему именно цифры? – задумчиво произнес Дмитрий Алексеевич.

– Как раз это вполне объяснимо! – Мария Антоновна повернулась к нему. – Большая часть дошедших до нас египетских надписей – это всевозможные отчеты, сведения об урожае пшеницы и других культур, сообщения о количестве захваченных в битве пленных, о том, сколько каменных блоков отправлено на строительство пирамид или царских гробниц, сколько собрано налогов и таможенных пошлин, то есть цифры, цифры, цифры! Ну что – теперь вы удовлетворены и мы наконец можем заняться своей работой?

– Мария Антоновна! – не сдавался Старыгин. – Но все-таки, какие именно цифры здесь написаны?

– Минутку... – хранительница тяжело вздохнула и снова склонилась над статуей. Дмитрий Алексеевич достал блокнот, ручку и приготовился записывать.

– Один... восемь... шесть... четыре... – медленно диктовала Мария Антоновна. – Странно... семь... два... восемь... три... девять... пять... и снова четыре. Это все.

– А что вам показалось странным? – осведомился Старыгин, закрывая блокнот.

– Ну... как вам сказать? Это как-то нехарактерно для египетских записей. Ведь все цифры из записей такого рода, о которых я говорила – урожаи, налоги, количество товаров, – бывают обычно круглыми... то есть собрано двести тысяч мер зерна, отправлено на строительство сто пятьдесят тысяч каменных блоков, в крайнем случае – сто сорок пять тысяч. Никто не записывает такие вещи с точностью до одной штуки. Всегда немного округляют, просто для удобства подсчетов. А здесь – какое-то странное число, сколько там – восемнадцать миллиардов шестьсот сорок семь миллионов двести восемьдесят три тысячи девятьсот пятьдесят четыре и еще что-то... в общем, если хотите знать мое мнение, эти цифры не имеют ровным счетом никакого смысла, они нарисованы просто для красоты, как я вам и говорила!

– Но тогда почему это именно цифры, и только цифры, а не беспорядочный ряд разных иероглифов? – задумчиво протянул Дмитрий Алексеевич.

– Ну уж это вопрос не ко мне! – отмахнулась хранительница. – Хочу напомнить вам, что я – не детектив, а серьезный ученый! Да и вы тоже работаете не в милиции, а в музее! Так что давайте заниматься своим собственным делом!

– Хорошо, Мария Антоновна, но только один последний вопрос! – взмолился Старыгин.

– Ну что еще?

– Вот этот значок, – он снова раскрыл свой блокнот и показал ей значок, аккуратно срисованный с задней стороны французской картины – эллипс и палочка, фигура, похожая на сильно вытянутый к виску глаз, – вам ничего не говорит?

– Отчего же? – Мария Антоновна уверенно кивнула. – Это тоже значок раннего иероглифического письма, тхе, иначе называемый «око фараона»... а откуда у вас такой интерес к египетским иероглифам?

– Око фараона! – повторил Старыгин. – Вот оно что! Большое спасибо, Мария Антоновна! Вы мне очень помогли!

– Ну что – теперь мы можем заниматься своей работой? – язвительно осведомилась хранительница.

– Да, конечно... – пробормотал Старыгин, не расслышав иронии в ее словах и направляясь к выходу из зала.

– Весьма признательна! – насмешливо бросила ему вслед Мария Антоновна и повернулась к рабочим:

– Перекур закончен! Ставьте писца на место.

Поднимаясь в свой кабинет, Старыгин напряженно думал.

Таинственный человек, проникший ночью в Эрмитаж, приложил немало усилий, чтобы прочесть надпись на табличке египетского писца. Он испортил телекамеру, оглушил охранника, да и такелажника, судя по всему, тоже он огрел. Значит, эта надпись была для него почему-то очень важна. Но что может содержать в себе эта цепочка цифр?

Старыгин на ходу раскрыл блокнот и пробежал глазами по своим записям. Мария Антоновна права: слишком сложное число, не похожее ни на величину урожая, ни на размер собранного налога, ни на цифру торговой отчетности...

Заглядевшись в блокнот, он едва не сбил с ног шедшего навстречу сотрудника. Извинившись, спрятал блокнот в карман.

– Смотреть надо, куда идете! – пробормотал сотрудник, потирая ушибленный бок.

Придя в свой кабинет и убедившись, что на этот раз без него здесь никто не хозяйничал, Дмитрий Алексеевич переписал цифры из своего блокнота на чистый лист одиннадцатого

формата и пришил к стене, чтобы они находились у него перед глазами и над ними можно было на досуге размышлять. Однако за целый день не выдалось ни минуты свободной.

Едва дождавшись заката, едва дождавшись, когда смолкнут торжественные звуки вечернего гимна, которым жрецы из храма Ра провозжали вечное светило, молодой жрец Ат Сефор устремился к воротам Дома Чисел. Знакомый стражник принял из его рук серебряное кольцо и сделал вид, что не замечает служителя богов, в неурочное время покидающего храм.

Ат Сефор вышел из врат обители и устремился по знакомой тропинке вслед за скрывшимся солнцем на запад, к надгробьям, разбросанным среди первых отрогов гор.

Он спешил пройти как можно большую часть пути, пока последние отсветы солнца еще окрашивали небо багряными разводами и лиловеющие хребты Западных гор были вполне различимы. Потом, когда на Город Мертвых опустится глубокая тьма, куда труднее будет найти дорогу к месту встречи со старой знахаркой.

Куда труднее и куда опаснее.

Мимо прошел отряд стражников Некрополя. Начальник стражи покосился на позднего путника, но не посмел остановить его, различив в сумерках бритую голову и белые одежды жреца. Ат Сефор придал своему лицу выражение привычного высокомерия и миновал стражников. Только когда последнего из них скрыло от него высокое надгробье какого-то знатного вельможи, молодой жрец сменил направление, повернув к видневшейся на фоне угасающего неба темно-серой скале в форме головы шакала. Именно у этой приметной скалы назначила ему встречу старая Фетх.

Приблизившись к скале, жрец беспокойно огляделся.

Старухи не было видно.

Неужели она обманула его, взяла серебро и золото, но ничего не даст взамен?

Неужели Ат Сефор напрасно подвергал опасности свою жизнь, разгуливая по ночам среди скал и надгробий Города Мертвых, напрасно рисковал навлечь на себя гнев главного жреца Дома Чисел?

Из щели между камней донеслось угрожающее шипение, показалась треугольная головка песчаной змеи. Жрец попятился – он знал, что укус этой змеи смертелен, – и тут же из тени под скалой вынырнул сгорбленный силуэт.

– Это ты, старуха? – встревоженно проговорил Ат Сефор, глядя в сгущающуюся темноту.

– Я, благородный господин! – прошептала Фетх и поспешино добавила: – Не говори так громко, нас могут услышать!

Она пригнулась к земле, с неожиданной ловкостью скользнула мимо жреца к расщелине, возле которой он только что стоял, и молниеносным движением выхватила из камней змею.

Змея угрожающе шипела, извивалась, пытаясь укусить старуху, но та, не обращая на эти попытки никакого внимания, хладнокровно отхватила змеиную голову острым кремневым ножом и бросила ее в привязанный к поясу холщовый мешочек.

Обезглавленная змея еще несколько секунд извивалась на камнях и наконец застыла.

– Змеиная голова была мне нужна для одного зелья, – пояснила старуха, бросив на испуганного жреца насмешливый взгляд. – Для зелья, которое заказал мне другой благородный господин.

– Ну что, старая, ты отведешь меня, куда обещала? – спросил ее Ат Сефор, преодолев испуг и отвращение.

– Конечно, благородный господин! – прошептала знахарка, еще больше согнувшись в угодливом поклоне. – Старая Фетх всегда держит свое слово, особенно если за это ей платят серебром... и золотом!

– Пока довольно с тебя серебра! – жрец протянул старухе еще одно тускло блеснувшее кольцо. – Золото будет тогда, когда ты приведешь меня в нужное место!

– Не беспокойся, благородный господин! Следуй за мной! – и Фетх скользнула в темноту.

Ат Сеффор едва поспевал за старухой, стараясь не потерять ее из виду и в то же время не сломать себе шею на крутой тропинке, по которой они шли. Тропинка понемногу поднималась, углубляясь в отроги Западных гор. Вокруг больше не было надгробий, не было и жалких хижин паракитов и кладбищенских прислужников – только скалы темнели по обе стороны тропинки да юркие силуэты шакалов шныряли то тут то там.

– Скоро ли мы придем? – недовольно окликнул жрец старуху. – Мне кажется, мы уже углубились во владения мертвых!

– Тише! – шикнула Фетх, оглянувшись. – Тише, если и правда не хочешь раньше срока попасть к предкам!

И в ту же секунду из темноты выскочило что-то еще более темное, словно сгусток мрака, и набросилось на молодого жреца.

Ат Сеффор попытался сопротивляться, но его уже повалили на камни, руки скрутили за спиной и связали кожаным ремнем.

– Во имя Анубиса! – взвывала из темноты старая Фетх. – Не троньте нас! Мы с этим благородным господином идем к Габд-а-Батху! Шейх ждет нас, он сам назначил встречу!

Резким рывком молодого жреца подняли на ноги, толкнули в спину, чтобы он шел вперед, но и не подумали развязать руки. Старая знахарка шла впереди, что-то вполголоса бормоча.

Ат Сеффор двигался вперед, стараясь не сорваться с тропы, которая сделалась еще круче. Со связанными руками это было гораздо труднее, но на все его жалобы ответом было молчание.

Тропа сделала резкий поворот, и впереди забрезжил свет.

Еще несколько минут, показавшиеся жрецу бесконечными, – и путники оказались перед входом в пещеру, внутри которой полыхал яркий костер.

Вход в пещеру был завешен бычьей шкурой. Провожатый, или скорее стражник, шагавший за спиной Ат Сеффора, выкрикнул какое-то непонятное слово, и шкуру откинули в сторону. Старуха проскользнула вперед, жреца толкнули в спину, он пригнулся и вошел в пещеру.

Здесь, вокруг огромного костра, над которым на вертеле жарилась газель, сидело с десяток человеческих существ. Впрочем, отнести их к роду человеческому можно было только с некоторым усилием – так свирепы и уродливы были их лица. Они были изуродованы страшными шрамами, следами ран, пыток и болезней, но еще больше уродовал их отпечаток всевозможных пороков.

Ат Сеффор заметил одно лицо с вырванными ноздрями и другое – с черным провалом вместо глаза. Но больше других его взгляд привлекало свирепое смуглое лицо с маленькими глубоко посаженными глазками и кривым шрамом, пересекающим щеку. Этот грабитель сидел на почетном месте и держался с кичливым видом главаря.

– Ты – Габд-а-Батх? – обратился к нему жрец. – Я шел, чтобы поговорить с тобой, а твои люди напали на меня, как на заблудившегося барана, связали руки и приволокли сюда! Вели развязать меня, и пусть твои люди удалятся, чтобы мы могли поговорить без помех!

В ответ на его слова грянули раскаты хохота, от которых едва не обрушились своды пещеры. Не смеялся только смуглый злодей, к которому обратился Ат Сеффор.

– Он принял тебя за Шейха! – проговорил, задыхаясь от смеха, одноглазый, хлопнув молчаливого грабителя по спине, и сделал руками несколько жестов. Тот наконец понял его и тоже зашелся сухим лающим смехом.

– Он глухой, – пояснил одноглазый, отсмеявшись и взглянув на пленника. – Стервятник – глухой, поэтому он не смеялся! Остальные смеялись, потому что это очень смешно – принять Стервятника за Шейха Ночи!

– Но где же сам Габд-а-Батх? – высокомерно осведомился молодой жрец. – Я хочу говорить с ним!

– Вот только захочет ли Шейх говорить с тобой? – с сомнением произнес одноглазый. – Может быть, он велит выкинуть тебя в пустыню, на корм шакалам и стервятникам!

– Угомонись, Кривой Шакал! – раздался из глубины пещеры негромкий властный голос. – Может быть, не его, а тебя я прикажу выкинуть в пустыню! Может быть, так будет мне угодно!

В круг света вышел невысокий мужчина с красивым, гладко выбритым лицом, в короткой светло-коричневой накидке. Встретив этого человека днем на улице Города Мертвых, Ат Сефор принял бы его за торговца или богатого мастерового, но никак не за главаря шайки грабителей могил.

Тем не менее это был именно он, знаменитый Габд-а-Батх, Шейх Ночи. При его появлении остальные грабители замолкли, как замолкают мелкие хищники при появлении льва.

– Что привело тебя в мои владения, жрец? – проговорил он, подойдя к пленнику и внимательно оглядев его.

– Прикажи развязать мне руки! – потребовал Ат Сефор.

– Может быть, прикажу, а может быть, нет, – отозвался Шейх. – Может быть, мне будет угодно изжарить тебя на вертеле вместо этой газели. Когда я спрашиваю, что привело тебя к нам, – следует отвечать, если ты не хочешь вызвать мой гнев.

– У меня есть дело к тебе, Шейх, – проговорил молодой жрец, опустив глаза. – Но все же... если ты не хочешь развязать мне руки – вели своим людям оставить нас, ибо мое дело не предназначено для посторонних ушей.

Габд-а-Батх двинул бровью, и тут же вся его шайка покинула пещеру, словно унесенная порывом ветра. Только старая Фетх скорчилась в углу, словно груда тряпья.

– Говори! – приказал главарь грабителей.

– Мне нужна одна вещь, спрятанная в гробнице... – вполголоса начал Ат Сефор.

– Все, что спрятано в гробницах Города Мертвых, принадлежит мне! – высокомерно проговорил грабитель.

– Но это не золото, не драгоценный камень, не слоновая кость, не красивый наряд...

– Что же это? – перебил его Шейх Ночи. – Оружие?

– Нет, это папирус!

– Всего лишь папирус? – главарь шайки явно был разочарован.

– Да, но за этот папирус я заплачу тебе золотом! Щедро заплачу!

– Что же это за папирус, ради которого ты готов не только раскошелиться, но и прийти ночью в мою пещеру, покинув свой безопасный и роскошный храм?

– Его называют папирусом Тота, или Мудростью Мудрых, – ответил жрец. – Он содержит одно число... впрочем, тебе, Шейх, это неинтересно. Тебе должно быть интересно только одно – что я за него заплачу, и заплачу очень щедро.

– Ты прав, жрец! – кивнул грабитель могил. – Мне неинтересно, что там, в этом папирусе. Это – ваши дела, дела людей из храмов. Мне интересно золото, и слоновая кость, и украшенное оружие. Так и быть, я найду для тебя этот папирус.

– Когда ты пойдешь за ним, я хочу, чтобы ты взял меня с собой, – проговорил Ат Сефор, понизив голос.

– Не ослышался ли я? – переспросил Шейх Ночи. – Жрец, человек в белом одеянии, намерен осквернить это жреческое одеяние, во мраке ночи проникнув в гробницу? Куда катится наш мир!

– Я боюсь, что твои люди своими грубыми руками испортят бесценный папирус Тота, повредят его. Поэтому я хочу сам, своими руками взять его оттуда.

– Это глупо, – поморщился Габд-а-Батх. – Не к добру брать с собой на дело постороннего человека, тем более – жреца... но мне сегодня угодно быть к тебе милостивым. Так и быть, ты можешь вместе с нами спуститься в гробницу... только не забудь взять с собой золото!

– Ты считаешь, если я жрец, то я глуп, как новорожденная газель? – сквозь зубы проговорил Ат Сефор. – Если я спущусь с тобой в гробницу, взяв с собой золото, ты оставишь меня в этой гробнице навеки! Нет, так не будет! Я заберу из могилы папирус Тота, а после отдам тебе золото. Оно будет спрятано в надежном месте.

– Могу ли я верить жрецу? – с сомнением проговорил Габд-а-Батх.

– А могу ли я верить грабителю? – в тон ему отозвался Ат Сефор.

– Ну что ж, сегодня мне угодно быть доверчивым! – промолвил наконец Шейх Ночи. – Будь завтра на закате у той же скалы, где встречался сегодня со старой Фетх! Оттуда мы пойдем за твоим папирусом!

– А что – ты уже знаешь, в какой гробнице он лежит? – с сомнением спросил жрец.

– Я знаю обо всем, что творится в Городе Мертвых! – высокомерно ответил грабитель. Впрочем, он ошибался.

Он не знал, что неподалеку от входа в его пещеру среди камней прятался человек в таком же, как у Ат Сефора, жреческом одеянии.

Старыгин вошел в свой подъезд, открыл почтовый ящик. Там лежал белый удлиненный конверт без марки. Дмитрий Алексеевич шагнул ближе к свету, чтобы прочесть надпись на конверте.

В правом нижнем углу было написано его имя – Д. А. Старыгину, и больше ничего – ни адреса, ни прочих координат. В верхнем левом углу значилось имя отправителя.

Старыгин прочел его... и не поверил своим глазам.

Косым торопливым почерком на конверте было написано:

«Луи Жироде Триозон».

– Полковнику никто не пишет? – раздался вдруг рядом с ним молодой насмешливый голос.

Дмитрий Алексеевич вздрогнул от неожиданности и выронил конверт.

Белый прямоугольник спланировал на каменный пол подъезда, прямо к ногам невысокой пухленькой девушки с круглым безобидным личиком первой ученицы.

– А, полковник как раз получил письмо! – проговорила она, подняв конверт и с интересом разглядывая его. – И какое интересное! Ни марки, ни обратного адреса!

– Что вы здесь делаете, гм... товарищ капитан? Или как вас следует называть – господин капитан? Вы за мной следите? – с этими словами Старыгин протянул руку и попытался забрать конверт у Журавлевой.

– Можете называть меня просто Натальей... Игоревной! – отозвалась она, придерживая конверт. – От кого это вам приходят такие письма? Надо же, какое звучное имя! Кто это – Луи Жироде Триозон? Ваш французский коллега?

– А вам-то что? И вообще – я вас, кажется, спросил: что вы делаете в моем подъезде?

Журавлева с явной неохотой отдала ему конверт и ответила:

– Вы не забыли – я служу в милиции, а в вашем подъезде произошло убийство. Так что я здесь нахожусь по долгу службы, а вовсе не из праздного интереса к вашей особе!

– Да? Почему же тогда вас интересует моя корреспонденция? Или я – ваш единственный подозреваемый?

– Вовсе нет! – капитан была невозмутима. – Как раз у нас появились кое-какие подвижки в вашем деле! Кстати, мне говорили, что вы замечательно варите кофе. Не пригласите девушку на чашечку?

«Это что-то новенькое, – подумал Старыгин, – вчера чуть не арестовывать собиралась, а сегодня на кофе напрашивается! Да еще так нахально!»

Очень хотелось послать настырную девицу куда подальше, можно сделать это в вежливой форме, так что она не посмеет настаивать, однако милиционерша поглядела на него весьма кокетливо и улыбнулась. Как ни странно, улыбка ей шла. Глаза оживились, и вся она стала как-то человечнее.

– Вы же только что сказали, что находитесь здесь по службе? – ворчливо спросил Старыгин. – И кто это, интересно, вам говорил, как я варю кофе?

– Есть такое выражение – тайна следствия! – Журавлева откровенно потешалась над его недовольным видом. – Так как – пригласите меня на кофе?

Она снова улыбнулась и состроила ему глазки по всем правилам – в угол, на нос, на предмет.

«Наверное, этому теперь тоже учат в школе милиции, – ехидно подумал Старыгин, – а капитан небось на «отлично» ее закончила, недаром в таком юном возрасте командует целой толпой взрослых мужчин...»

Впрочем, сегодня трудно было принять ее за капитана милиции – так, обычная девица самой заурядной внешности – губки бантиком, нос пуговкой, в ушах – сережки дешевенькие...

И одета она была сегодня не в официальный серый костюм, а в темно-синюю юбку и голубую курточку. И смотрит призывно, отчего-то очень хочется ей к нему в квартиру попасть.

Вдруг его пронзило воспоминание – этакое дежавю. Все это уже было вчера – так же призывно заглядывала ему в глаза молодая женщина, только вчерашняя блондинка была, пожалуй, покрасивее. И похитрее этой – прикинулась беспомощной, дверь ей, видите ли, не открыть было. Старыгин еще вчера мимоходом удивился, что ключ-то легко повернулся, и подумал, что есть такие женщины – сами ничего не могут сделать, норовят по всякому пустяку других напрячь. И ручку она у него наверняка нарочно забрала, чтобы предлог был – вечером в гости заявиться. На кофе. Для чего-то он был ей нужен... Ее убили, а вот кто это сделал – пускай капитанша выясняет.

– Так что – так и будем стоять? Или все-таки пригласите? – напомнила о себе капитан Журавлева.

– Вас попробуй не пригласи, – проворчал Старыгин, поднимаясь по лестнице. – Следующий раз с ордером придете!

Войдя в его квартиру, Журавлева с явным любопытством огляделась. Впрочем, неторопливо выплывший навстречу хозяину Василий тут же отвлек ее внимание от старомодной обстановки.

– Кажется, сегодня он не так враждебно настроен ко мне, как вчера! – проговорила она, наклоняясь к коту и пытаясь его погладить. – Какой красавец!

Словно для того, чтобы поставить ее на место, кот зашипел и угрожающе поднял когтистую лапу.

– Ну вот, он берет с вас пример! – обиженно проговорила девушка. – Никакого гостеприимства!

– У Василия сильно развито чувство собственного достоинства, – отозвался Старыгин. – Если хотите добиться его расположения – не посягайте на его независимость. Когда захочет, он к вам подойдет. Но он сам должен сделать первый шаг.

Старыгин провел гостью в комнату и указал ей на диван:

– Посидите здесь пару минут, сейчас я сварю обещанный кофе.

Этим он хотел подчеркнуть, чтобы гостя ни на что большее не рассчитывала – выпей кофе и ступай себе, нечего занятых людей беспокоить...

Однако когда он вернулся в комнату с серебряным подносом, на котором стояла дымящаяся турка, чашечка тонкого костяного фарфора и большая кружка с чаем, гостя стояла возле книжной полки и перелистывала толстый гляцевый альбом.

– Как интересно! – проговорила она, поворачиваясь к хозяину. – Этот ваш коллега... тот, кто прислал вам письмо, оказывается, был малоизвестным французским художником и, что особенно удивительно, современником Наполеона! Неужели во Франции такая большая продолжительность жизни?

– Экология у них хорошая, – отозвался Старыгин, расставляя посуду на низеньком столике. – Вы, кажется, хотели кофе? Я уж, извините, вечером не пью.

– Сердце? – сочувственно спросила она, а у самой глаза насмешливо блеснули.

– Бессонница, – буркнул Старыгин, – возраст, знаете ли, дает о себе знать... Кстати, кофе нужно пить горячим.

Он страшно рассердился на настырную девицу, потому что терпеть не мог, когда кто-то рылся в его книгах без спроса. Еще он не любил насмешек, а она только и делала, что язвила, будучи у него в доме.

– Тем самым вы мне даёте понять, чтобы я пила кофе и выматывалась? – Журавлева опустила в кресло и подняла чашечку.

– Да нет, отчего же... будьте как дома, – Старыгин сел во второе кресло, усилием воли заставив себя успокоиться. – Но все же скажите, какова настоящая причина вашего визита?

– Знаете, почему я пошла в милицию? – спросила Журавлева вместо ответа, пригубив кофе и поставив чашку на поднос.

– Откуда мне знать! Впрочем, как я понимаю, это риторический вопрос...

– Потому что я ужасно любопытна! И моя работа даёт возможность это любопытство удовлетворять. Причем на совершенно законных основаниях.

– Ну и какое отношение ваше любопытство имеет ко мне?

– Мне ужасно интересно, – девушка наклонилась через стол и понизила голос. – Мне ужасно интересно, что пишет вам французский художник девятнадцатого века Жироде Триозон.

– Хорошо вас готовили в школе милиции! – усмехнулся Старыгин.

– У вас на видном месте стоит альбом, в котором есть его репродукции! – отбила удар первая ученица.

В самом деле, готовясь к реставрации картины, Старыгин раздобыл альбом Триозона, и глазастая девица тут же его обнаружила.

– Но вы же только что сказали, что удовлетворяете свое любопытство только на законных основаниях! А тайну переписки, кажется, еще никто не отменял! Или я ошибаюсь, Наталья...

– Игоревна, – с готовностью подсказала Журавлева. – Кстати, разговор у нас с вами неофициальный, так что можете называть меня просто Натальей.

Старыгин подумал, что, будь его воля, он бы с этой девицей и двух слов не сказал, но постарался, чтобы эта криминальная мысль не отразилась на его лице.

– А давайте поиграем в такую игру – я расскажу вам то, что интересно вам, а вы – то, что занимает меня.

– Вот еще! – фыркнул Дмитрий Алексеевич. – Откуда вы знаете, что мне интересно?

– А я попробую! Ведь вам наверняка интересно, остались ли вы подозреваемым по делу об убийстве вашей соседки или у нас появился на примете кто-то другой?

– Допустим! – Старыгин отставил чашку и поднял глаза на Журавлеву. – Допустим, это меня действительно интересует. Но вы же сами говорили о тайне следствия!

– Но наш разговор останется между нами – правда ведь? Так как – согласны на такой обмен информацией?

– Пожалуй, – Дмитрий Алексеевич сложил руки на коленях. – Ну что же, ваш ход!

- Вы, конечно, помните кровавую надпись на стене вашей соседки?
- Еще бы! – Старыгин зябко передернул плечами. – Это зрелище долго будет стоять у меня перед глазами!
- Так вот, эта надпись была сделана пальцем. И нам удалось получить вполне отчетливый отпечаток этого пальца.
- Как интересно! – насмешливо проговорил Старыгин. – Прямо как в детективном романе!
- Не нужно иронизировать! – прервала его Журавлева. – Это очень серьезно, и вас тоже касается. Во-первых, отпечаток – не ваш...
- Рад слышать! – Старыгин развел руками. – Впрочем, я-то в этом не сомневался... кстати, – он уставился на свою собеседницу, – а где вы взяли *мой* отпечаток?
- Мы же все-таки профессионалы, – усмехнулась на этот раз Наталья. – Когда вы вошли в квартиру соседки – вы прикоснулись к дверной ручке, а ручку перед этим тщательно протерли, предварительно сняв с нее все прочие отпечатки!
- Ну-ну! – недовольно проворчал Старыгин. – С вами нужно держать ухо востро!
- Но это еще не все! – продолжила Наталья, блестя глазами. – Мы проверили отпечаток по своей базе данных... и ничего не нашли!
- Весьма сочувствую, – подал голос Старыгин.
- Но мы на этом не остановились и проверили этот отпечаток по международной карте-теке Интерпола.
- И каковы результаты? – заинтересованно спросил Старыгин, которому невольно передалось возбуждение собеседницы.
- И там владелец пальца обнаружился. Им оказался некий Фолькер Месснер из Мюнхена. Колоритный персонаж! Его досье занимает несколько страниц мелким текстом! Чего только за ним не числится – и торговля наркотиками, и подделка документов, и незаконное хранение оружия, но больше всего в его послужном списке эпизодов, связанных с произведениями искусства, – кражи, торговля подделками и многое другое...
- Так что – можно сказать, что ваше дело закрыто? Убийца обнаружен, осталось его задержать?
- Если бы так! – Наталья перешла почти на шепот и пригнулась к Старыгину. – В этом досье есть одна удивительная фраза.
- Какая же?
- Фолькер Месснер в прошлом году был убит при попытке задержания в Порт-о-Пренсе, это, если не знаете, столица Республики Гаити.
- Что? – Старыгин решил, что ослышался. – Наверное, это какая-то ошибка?
- Никакой ошибки, – Наталья развела руками. – Мы связались с тамошней полицией. Его тело было, вне всяких сомнений, опознано несколькими независимыми свидетелями. Плюс совпавшая зубная карта.
- И как же тогда все это понимать? – Старыгин невольно оглянулся, как будто почувствовал чье-то невидимое присутствие. – Что же – этот немецкий плохиш восстал из мертвых, чтобы приехать в наш город и убить сестру моей соседки Лены?
- Кстати, я вам уже говорила, что убитая девушка вовсе не является сестрой вашей соседки! – перебила его Журавлева. – Мы до сих пор не знаем, кто она такая на самом деле. И для чего она проникла в квартиру ваших соседей. Если бы она хотела их обворовать, она не стала бы показываться вам. И вряд ли квартирная воровка не смогла бы открыть дверь ключом.
- Старыгин тут же подумал, что он-то знает, зачем – чтобы познакомиться с ним. Но ни за что не скажет, потому что ему не поверят. И вообще, лучше поменьше болтать с этой ушлой девицей, как бы самому себе хуже не сделать.
- Что вы от меня хотите, Наталья... Игоревна? – прямо спросил он.

– Просто Наталья. Меня очень интересуют любые необычные происшествия в окрестностях места преступления. В частности, странные письма от французских художников девятнадцатого века. Кстати, ваша очередь поделиться со мной информацией. Мы же, кажется, так договаривались? Впрочем, думаю, вам и самому интересно ознакомиться с содержимым этого конверта... – и она указала глазами на белый прямоугольник, краешек которого высывался из-под серебряного подноса.

– Что ж... вы не оставляете мне выбора... – Старыгин разорвал конверт. На стол выпал листок с ксерокопированной газетной статьей. Он расправил этот листок и начал читать:

«Скептики (те, кто признают источником познания только один разум и научный опыт), не верящие в то, что у библейских повествований есть историческая основа, относятся к истории Иосифа Прекрасного, как к красивой легенде. Однако этот эпизод Библии – вовсе не легенда, а действительное событие, имевшее место в истории Древнего Египта. Автор этих строк берется утверждать это, больше того, мне удалось доказать, что это событие записано самой природой, и записано совершенно неожиданным способом. В тридцатых годах двадцатого столетия автор занимался исследованием зависимости прироста древесины деревьев от различных природных явлений: от засухи, от осадков, от изменения климата, пожаров, всевозможных вредителей и других естественных или искусственных причин. В этом направлении работали многие ученые в России, в Америке и в Швеции. Тогда же было проведено тщательное обследование различных деревянных предметов, сохранившихся в палеонтологических и археологических коллекциях многих музеев. Особенно нас заинтересовали коллекции деревянных изделий, сохранившихся от времен Древнего Египта. Значительное число подобных экспонатов обнаружилось в Египетском отделе петербургского Эрмитажа. Все они были в отличной сохранности, позволявшей вполне достоверно установить, какое именно дерево было использовано для того или другого изделия».

Старыгин остановился, оттого что пересохло в горле.

– Что это? – Наталья протянула руку. – Что это за статья? Дайте мне посмотреть!

– Не дам! – рассердился Старыгин. – Я понимаю, что в школе милиции не учат хорошим манерам, но по долгу службы вы должны знать, что нельзя брать чужое! Или на милицию это не распространяется? Врачу – исцелился сам!

– Вы не имеете права скрывать от следствия вещественные доказательства! – она вскочила с дивана и повысила голос.

– Да? – вкрадчиво спросил Старыгин. – А позвольте спросить, где вы тут видите вещественное доказательство? Обычное письмо, про убийство тут не сказано ни слова. Может, оно вообще к делу не относится! Так что если хотите перевести наш разговор на язык милийского протокола, то пожалуйста на выход! Как у вас говорят – с вещами! И приходите завтра с ордером на обыск, на арест, на конфискацию! Или вызывайте меня повесткой!

Старыгин видел, что ей хочется его убить, и испытывал необъяснимое удовлетворение. Или наподдать как следует и запереть в камеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.